МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В.З. Акопян

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ НА ЮГЕ РОССИИ В 1917-1941 гг.

К 300-летию образования епархии Армянской Апостольской Церкви в России

Пятигорск 2017

УДК 94(470+571)”19”
ББК 63.3 (=51)6-77
А 40

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ФГБОУ ВО «ПГУ»

Акопян В.З.
Государственная конфессиональная политика в отношении Армянской Апостольской Церкви на Юге России в 1917-1941 гг. Монография / Пятигорский государственный университет. – Пятигорск, 2017. – 160 с.

В монографии на основе архивных документов, материалов центральной и региональной печати, научной литературы рассматриваются основные этапы, направления и итоги политики центральных и региональных властей в отношении армянских религиозных общин Юга России в первые советские десятилетия. Этой теме предшествует очерк, посвященный истории формирования в досоветский период приходов Армянской апостольской церкви на Дону и Северном Кавказе.

Работа представляет интерес для широкого круга научных работников, преподавателей, студентов и всех, интересующихся историей Отечества и Юга России в частности.

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. Ю.Ю. Гранкин (ПГЛУ);
доктор исторических наук, проф. С.С. Казаров (ЮФУ);
доктор исторических наук, проф. С.И. Линец (ПГЛУ).

ISBN 978-5-4220-0821-6

© ФГБОУ ВО «ПГУ», 2017
© В.З. Акопян, 2017

Введение

Религия представляет собой один из наиболее важных социальных институтов – способная проникнуть во все сферы национальной культуры, она сама по себе становится подчас решающим фактором в этническом процессе. В прошлом религиозное самосознание в большинстве случаев предопределяло самосознание этническое. Хотя эта роль религии постепенно стала ослабевать в индустриальный период, а конфессиональное самосознание уступать по своему значению самосознанию этническому, тем не менее, и в новейшее время в жизни дисперсных этносов России религиозные организации являлись важнейшим сегментом в системе национальных общин[1].

Формирование конструктивных отношений между государством и религиозными организациями в Российской Федерации на современном этапе, механизма решения проблем, возникающих в национальной и религиозной сфере жизни общества, будут успешно осуществляться, если центральные и местные власти научатся учитывать исторический опыт таких отношений. В этой связи представляется весьма актуальным изучение на примере негативного опыта в 20-30-е гг. XX в. конфессиональной политики советского государства в отношении Армянской Апостольской Церкви (ААЦ) на Юге России. Актуальность указанной темы обуславливается и тем, что она не получила специального рассмотрения в исторической науке.

В настоящей работе рассматриваются основные этапы, направления и итоги политики центральных и региональных властей в отношении армянских религиозных общин в первые советские десятилетия и в последующие годы. Этой теме предшествует очерк, посвященный истории формирования в досоветский период приходов ААЦ на Юге России (Дону и Северном Кавказе), в котором

[1] См.: Акопян В.З. Изменение этнического самосознания как следствие смены религии // Северный Кавказ на перекрестке цивилизаций и эпох. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д – Минеральные Воды: РГУПС. Вып. 7-й, 2002.

наглядно представлен масштаб политики атеистической власти по ликвидации многочисленных приходов ААЦ.

Территориальный аспект исследования охватывает Дон и Северный Кавказ, которые в настоящий момент составляют два федеральных округа: Северо-Кавказский и Южный (без Крымской Республики, Астраханской и Волгоградской областей). В досоветский период северокавказские области (Кубанская, Дагестанская) и губернии (Ставропольская и Черноморская) вместе с Закавказьем входили в состав Кавказского края, но без Донской области, управляемой по особому положению. В первые советские десятилетия Дон и Северный Кавказ представляли собой единое политико-экономическое пространство, объединенное вначале на уровне партийных и советских органов, а затем в рамках Юго-Восточной области, в октябре 1924 г. переименованной в Северо-Кавказский край. Последующие территориальные изменения привели к дроблению региона. Из Северо-Кавказского края в 1934 г. выделился Азово-Черноморский край, в 1937 г. разделенный на Ростовскую область и Краснодарский край. Из оставшейся части Северо-Кавказского края выделились Орджоникидзевский (Ставропольский) край, автономные республики и области. Армянское население этого края (около 200 тыс. человек) по своей численности уступало только русским, украинцам и чеченцам[2]. Большая часть армян рассматриваемой территории относилась к ААЦ и не более пяти процентов являлись адептами униатской Армянской католической церкви (АКЦ).

Периодизация. Основное внимание в монографии уделено периоду с 1917 г. до начала Великой Отечественной войны. При этом, как уже отмечалось выше, содержание работы выходит за данные временные рамки и охватывает в качестве самостоятельного раздела обширный по времени досоветский период и частично материал военного и послевоенного периодов. В этой связи можно выделить несколько, разных по продолжительности, этапов в

[2] Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920-1940. Ростов-н/Д, 2010.

деятельности ААЦ на Юге России и соответственно осуществлявшейся государственной конфессиональной политики.

1. *Доимперский*. Присутствие ААЦ в регионе зафиксировано раньше, чем какой-либо другой христианской Церкви. Оно датируется IV в. и связано с миссионерской деятельностью внука Григория Просветителя Григориса и его последователей в районе нынешнего Дербента. Затем ААЦ оставила свой след в горах Черкесии (среди черкесогаев), во всех золотоордынских городах (Азак, Маджары и др.) и т.д. Об этом свидетельствуют имеющиеся артефакты и сохранившиеся в ряде мест старинные хачкары (малая форма архитектуры). Однако до XVIII в. деятельность ААЦ в регионе в целом носила эпизодический характер, так как не было крупных армянских колоний и общин.

2. *Имперский*. На постоянной основе ААЦ начинает действовать на Юге России с конца XVIII в., когда здесь возникают крупные армянские колонии и общины. В этот период армянский фактор для России становится актуальным с геополитической точки зрения. В 1717 г. по распоряжению Петра I в России была создана первая епархия ААЦ, центром которой стал город Астрахань.

В 1773 г. Екатерина II фактически заново учредила российскую епархию ААЦ, прекратившую деятельность после кончины Петра Великого. После присоединения Восточной Армении к России, когда Эчмиадзинский патриарший престол оказался в пределах империи, на территории собственно России в тот период действовали две епархии: Ново-Нахичеванская и Бессарабская, в ведении которой находились церковные приходы европейской части России, и Астраханская, охватывавшая Северный Кавказ и восточные регионы империи.

По отношению к ААЦ царизм проявлял непоследовательность. С одной стороны, интересы России в регионе вынуждали правительство считаться со значительной ролью церкви в жизни армянского народа. Но, с другой стороны, приходы и духовенство периодически подвергались административному произволу.

3. *Советский период*. После октября 1917 г. ААЦ, как и другие

религиозные организации России, подверглась гонениям. Конфессиональная (точнее антирелигиозная) политика после установления советской власти в отношении ААЦ осуществлялась по следующим направлениям: 1) проводилась масштабная антирелигиозная пропаганда среди армянского населения; 2) культивировалось нетерпимое отношение к ААЦ и ее духовенству; 3) закрывались приходские образовательные учреждения; 4) под предлогом борьбы с голодом изымалось церковное имущество; 5) закрывались, а в последующем разрушались культовые сооружения; 6) осуществлялись репрессии против духовенства и прихожан; 7) ограничивалась деятельность епархий ААЦ и др.

На всем протяжении советской эпохи менялась тактика, но не стратегия, заключавшаяся в стремлении полностью ликвидировать приходы Армянской Церкви.

4. *Постсоветский период*. На рубеже 80-90-х гг. XX в. на Северном Кавказе и по всей России начинается возрождение приходов Армянской Церкви. Причем ААЦ вновь становится важнейшим национальным сегментом в армянских общинах. В августе 1991 г. Министерство юстиции РФ зарегистрировало Российскую и Ново-Нахичеванскую епархию ААЦ (центр – г. Москва), состоявшую из двух викариатов: Ростовского и Северо-Кавказского, которые охватывали армянское население всего Юга России. Указом (кондаком) Католикоса всех армян Гарегина I от 13 января 1997 г. была образована вторая епархия – Юга России (центр – город Краснодар). Возрождение ААЦ на Юге России затронуло преимущественно русские субъекты (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края), а также несколько городов в национальных республиках: Майкоп (Республика Адыгея), Владикавказ, Моздок (Республика Северная Осетия – Алания), Черкесск (Карачаево-Черкесская Республика) и др.

В *структурном* отношении монография состоит из трех глав. Глава первая посвящена истории становления приходов ААЦ в имперский период. Формально она в заявленную тему не входит, однако без ее содержания невозможно оценить масштабы и итоги

государственной антирелигиозной политики советской власти. Во второй главе рассматривается политика центральных и региональных властей Дона и Северного Кавказа в отношении приходов ААЦ в период новой экономической политики (1920-е гг.). В третьей, заключительной главе характеризуется антирелигиозная политика и ее последствия для ААЦ Юга России в период «Великого перелома» 1930-х гг. и последующих десятилетий.

Степень *освещенности* темы. Заявленная в названии работы тема не получила специального освещения в исторической литературе. В советский период государственная конфессиональная политика находилась под негласным запретом. Исключение составляли работы, посвященные истории отдельных армянских общин и в которых затрагивалась национальная и религиозная политика самодержавия. Разумеется, только в негативных красках.

В постсоветский период проблема конфессиональной политики советской власти привлекла внимание целого ряда исследователей. Ими были изданы полноценные труды по общим проблемам государственной политики, особенно касающиеся проблемы взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви (РПЦ). Особо выделим работы В.А. Алексеева[3], З.Н. Ионова[4], Н.А. Кривова[5], М.И. Одинцова[6], Д.В. Поспеловского[7], Л.В. Табунщикова[8], Я.Н. Щапова[9], М.В. Шкаровского[10] и др. Представляют интерес

---

[3] Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. 400 с.

[4] Ионова З.Н. Взаимодействие государственных органов и религиозных объединений на Черноморском побережье Краснодарского края в 40-х гг. XX в. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 6.

[5] Кривов Н.А. Власть и Церковь в 1922-1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: «АИРО-XX», 1997. 247 с.

[6] Одинцов М.И. Государство и церковь: история взаимоотношений (1917-1938 гг.). М., 1991; Его же. Государство и церковь в России: XX век. М., 1994; Его же. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943-1945) // Отечественные архивы. № 3. 1995 и др.

[7] Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М.: Республика, 1995. 511 с.

[8] Табунщикова Л.В. Религиозная политика и отношение к культам в годы Великой Отечественной войны (На примере Ростовской области) // Культурная жизнь Юга России. № 1 (39). 2011.

[9] Щапов Я.Н. и др. Христианские вероисповедания и государственная власть в России в XVIII – первой половине XX в. // Отечественная история. 1998. № 3. С. 155-163.

[10] Шкаровский М.В. Русская православная церковь и религиозная политика советского

сборники документов, посвященные конфессиональной политике советского государства[11]. В настоящее время имеется немало исторических исследований, в которых характеризуется политика советской власти в отношении католиков, лютеран, меннонитов и других западных конфессий[12]. В этом плане выгодно отличается докторская диссертация Л.Г. Далгатова[13], в которой автор попытался комплексно осветить политику советской власти в отношении религиозных организаций разных конфессий. Однако в этой работе практически отсутствует материал, посвященный Армянской Церкви.

Отношению советского государства к Первопрестольному Эчмиадзину в 1930-е гг. посвящена монография С.М. Степанянца[14]. Ценность этого труда заключается в том, что он написан на основе материалов архивных фондов Республики Армении, в частности документов, хранящихся в Эчмиадзине – духовном центре ААЦ. Хотя исследование прямо не касается южнороссийского региона, содержание этой монографии помогло автору настоящей работы уточнить информацию по некоторым руководителям российских епархий ААЦ. Это же касается сборников документов и трудов

государства в 1939 – 1964 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996; Его же. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2000.

[11] Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и Церковь 1922-1925 гг. М. – Новосибирск, РОССПЭН, Сибирский хронограф, 1997. 594 с.; Кн. 2. 1998. 425 с.; Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006; Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. Автор: Щапов Я.Н. Издательство: Издательство Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996.

[12] Деннингхаус В. В тени «Большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР. 1917-1938 гг. РОССПЭН, 2011. 734 с.; Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов, 2001; Ее же: Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI-XX вв.). М., 2003; Шадрина А.В. Католичество на территории Приазовья и Нижнего Дона // Relga. Научно-культурологический журнал. № 6. 2011. 1 апр.; Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920-1980-е годы: Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы / сост. А.И. Савин. Новосибирск; СПб., 2006 и др.

[13] Далгатов Л.Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов): Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004 643 с.

[14] Степанянц С.М. Армянская апостольская церковь в годы сталинской диктатуры. Деятельность Первопрестольного Эчмиадзина в 1920-1950-х гг. Издательство Sanktum, 2014. 272 с.

армянских ученых, посвященных Арцахской епархии, прихожанами которой были многие армяне до своего переселения на Северный Кавказ[15].

Наибольшее внимание исследователей привлекла история Ново-Нахичеванской епархии, ее духовенства и культовых сооружений. Среди этих трудов следует назвать монографию ростовских историков В.Г. Вартаняна и С.С. Казарова[16]. Автор выражает благодарность доктору исторических наук, профессору Южного федерального университета Саркису Суреновичу Казарову за ценные советы и предоставленные документы, многие из которых были использованы в настоящей работе.

В трудах донских авторов основное внимание обращается на досоветское прошлое Ново-Нахичеванской колонии, истории ее храмов и духовенства. Однако в них прямо не рассматривается политика советской власти в отношении донских приходов ААЦ[17]. В этом плане выгодно отличается небольшой по объему сборник документов и материалов по Мясниковскому району Ростовской области, составленный краеведом А.М. Гайбаряном[18]. В нем

---

[15] Документы по истории Армянской Церкви. Том IX. Арцахская епархия Армянской Апостольской Церкви (1813-1933 гг.), составитель Сандро Бейбурдян. Ер., 2001. На арм. яз; Абраамян О. Общественно-политическая жизнь арцахских армян и Арцахская епархия (1901-1933). Св. Эчмиадзин, 2009. На арм. яз; Асрян Г. Арцахская епархия в центре репрессий Советского Азербайджана в 1920-1933 гг. // 21-й ВЕК. Информационно-аналитический журнал. № 4 (41). 2016; Манукян А. Репрессированные священники Армянской Апостольской Церкви. 1930-1938 гг. (по документам КГБ). Ер., 1997. На арм. яз.

[16] Вартанян В.Г. и Казаров С.С. Армянская Апостольская Церковь на Дону. Под ред. В.З. Акопяна. Ростов н/Д, 2001.

[17] Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779-1917). Ер.: Айастан, 1996; Багдыков М.Г. Нахичеванские находки. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1999. 208 с.; его же: Архиепископ Иосиф, князь Аргутинский-Долгорукий, предводитель армян России: штрихи к портрету. Ростов н/Д: Книга, 2002. 112 с.; Малаховский Е.И., Лаптев Г.Ф. Храмы Ростова-на-Дону утраченные и существующие. Ростов н/Д., 2003; Малхасян А.Г. Армянские церкви на донской земле // Нахичевань-на-Дону. № 3. 2009 и № 9. 2010; Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Ростов н/Д, 1996. Т. 4; Смирнов В.В. Монастырь на кургане: Святой Крест. Нахичевань-на-Дону. Этюды старой истории: время и люди. Ростов н/Д, 2010; Шахазиз Е. Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Пер. с арм. Ш.М. Шагиняна. Ростов н/Д, 1999; Халпахчьян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван: «Айастан», 1988. 168 с. и др.

[18] Посвящается жертвам репрессий. Сб. документов и материалов. Ред. и сост. А.М. Гайбарян. Чалтырь, 1994. 49 с.

приводятся имена репрессированных в 1930-х гг. жителей района, в том числе духовенства.

По другим регионам Юга России конфессиональная политика советской власти в отношении ААЦ не стала объектом внимания исследователей. История армянских приходов затрагивалась в контексте работ, посвященных отдельным армянским общинам[19].

Без ложной скромности, отметим, что рассматриваемая тема в той или иной степени была освещена в многочисленных наших монографиях[20] и статьях[21]. В то же время в них не заострялось

---

[19] Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Армянские общины Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала, 2007; Ованесов Б.Т. Армянская община города Ставрополя / Науч. ред. В.З. Акопян. Ставрополь: ГУП СК «Ставропольская краевая типография», 2005. 280 с.; Симонян М.С. Армянская диаспора Северо-Западного Кавказа: формирование, конфессиональный облик, взаимоотношения с властью, общественными и религиозными объединениями (конец XVШ – конец XX века). Дисс. … канд. ист. наук. Краснодар, 2003 и др.

[20] Акопян В.З. Армянская Апостольская Церковь на Ставрополье и Тереке. Пятигорск: Изд-во Епархии Юга России ААЦ, 2000. 196 с.; Его же: История прихода Армянской апостольской церкви города Пятигорска. Пятигорск: ПГЛУ, 2005; Акопян В.З. и др. Едессия. Страницы истории. М.: Интер-Весы, 1993; Акопян В.З. и др. Армяне Ставрополья и Терека. Пятигорск: ПГЛУ, 2007; Его же: Город Святой Крест. Между прошлым и настоящим. 1799-2009. Исторический очерк. Монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 360 с.; Его же: Карабаглы на Тереке: страницы истории (1797–2002). Ростов н/Д: Изд-во РГУПС, 2002; Его же: Старый Артвин: историко-культурный очерк. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 504 с. и др.

[21] Акопян В.З. Влияние конфессионального фактора на этническую сепарацию // Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д – Минеральные Воды: РГУПС. Вып. 2-й, 2000; Его же: К истории взаимодействия РПЦ и Российского государства с ААЦ // Взаимодействие государства и религиозных конфессий в современном образовательном пространстве // Материалы международной научно-практической конференции. Пятигорск. 8-9 июня 2009; Его же: Изменение этнического самосознания как следствие смены религии // Северный Кавказ на перекрестке цивилизаций и эпох. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д – Минеральные Воды: РГУПС. Вып. 7-й, 2002; Его же: Субэтническая группа урумов, взгляд на роль Церкви в их этногенезе и дальнейшей судьбе // Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д – Минеральные Воды: РГУПС. Вып. 8-й, 2003; Его же: К причинам возникновения конфессиональной группы армян-франгов // Сб. материалов Международной научной конференции «Гуманитарные технологии укрепления российской государственности на Юге России». Краснодар: КГИКИ, 2010; Его же: К проблеме конфессиональной реинтеграции армян-франгов Северного Кавказа // Мир через языки, образование, культуру: Россия, Кавказ, Мировое сообщество // Материалы VI Международного конгресса 11-15 октября 2010 г. Симпозиум XII. Пятигорск, 2010; Его же: К истории формирования и деятельности руководящих структур Армянской апостольской церкви на Северном Кавказе // Теодицея. Альманах. № 1. Пятигорск, 2010; Его же: Два патера: один на службе родине, другой – Ватикану // Материалы международной научной конференции «Образ “другого” в поликультурных обществах». Пятигорск, 22-24 апреля 2011 г.; Его же: Этапы развития и деятельности епархии Армянской апостольской церкви на Северном Кавказе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.

внимание на конфессиональной политике центральных и региональных властей в масштабе всего Юга России. В настоящем издании предпринята попытка восполнить это «упущение».

Основу работы составили документы, извлеченные из фондов центральных и местных архивов. Часть из них введена в научный оборот впервые. Также привлечен обширный материал, содержащийся в периодической печати межвоенного периода.

Настоящая монография является частью более широкого исследования, посвященного конфессиональной политики советского государства среди этнодисперсных групп Юга России. В этом году исполняется 300 лет со времени образования первой армянской епархии в России. Этой дате и посвящается монография.

Всероссийский научный журнал (Краснодар). № 1. 2013. С. 223-230; Его же: Роль церкви в сохранении национального самосознания в условиях потери родного языка (на примере ставропольского села Эдиссия) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2014. № 4. С. 28-32; Его же: Великий перелом в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе // Известия Саратовского ун-та. Серия История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 3. 2013; Его же: К истории армянской общины Владикавказа в 20-е годы XX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2013. № 1. С. 9-12; Его же: Конфессиональная политика государства в отношении дисперсных этносов Дона в 1920-30 годы (на примере Армянской апостольской церкви) // Сборник научных трудов «Транспорт-2016: наука, образование, производство». Том 5. Гуманитарные и юридические науки. Ростов н/Д: РГУПС, 2016. С. 22-26 и др.

Глава I. Основные этапы в деятельности российских епархий Армянской Апостольской Церкви на Юге России в XVIII – начале XX в. и политика царского правительства в отношении ААЦ

1.1. Образование российских епархий Армянской Церкви. Особенности политики царизма в отношении ААЦ

По священному преданию, первыми распространителями христианства в Армении стали апостолы св. Фаддей и св. Варфоломей, что нашло отражение в ее названии – Святая Армянская Апостольская Церковь (ААЦ). Армяне также называют свою церковь Просветительской, по имени первого патриарха Григория Просветителя, усилиями которого Армения в 301 г. приняла христианство как государственную религию.

Христианство в Армении стало знаменем борьбы за свободу, независимость и национальное самосохранение. Поэтому все попытки иноземных поработителей навязать армянам чуждую религию встречали яростное сопротивление народа. Верность своей Церкви стала способом самосохранения армянского народа. Наоборот, армяне, став, например, адептами Византийской церкви, достигли высокого социального статуса в империи, но сами утратили свою этническую принадлежность, став ромеями[1]. Аналогичные примеры можно привести и по другим конфессиям, к которым по разным причинам примкнули отдельные, нередко достаточно многочисленные группы армян.

На территории современной России присутствие ААЦ зафиксировано с начала средневековья. Однако многочисленные приходы и храмы возникают в период Российской империи, когда армянский фактор становится актуальным с геополитической точки зрения. Слившаяся с государством Русская Православная Церковь свое отношение к ААЦ должна была определять с позиции цезаристского государства. Петра Великого мало волновали ничтожные дефиниции в трактовке природы Спасителя. Для него

было важно продвинуть империю на Юг, что мыслилось осуществить, используя единоверных армян, в которых Петр I видел выгодного и надежного союзника.

Новая политика выразилась в учреждении в 1717 г. первой в России епархии Армянской Церкви с центром в Астрахани, в которой имелась многочисленная армянская колония, возникшая в конце XIII в. По количеству армянских церквей и духовенства в России Астрахань уступала только армянской колонии на Дону, центр которой – город Новая Нахичевань (Нор Нахичеван, Нахичевань-на-Дону) стал местом пребывания главы второй епархии ААЦ в России. После кончины Петра I из-за позиции Синода РПЦ армянская епархия не действовала.

Со вступлением на престол Екатерины II возобновляются прямые контакты между российским правительством и Патриаршим Престолом в Эчмиадзине. В 1773 г. императрица фактически заново учредила российскую епархию ААЦ, с 1780 г. переименованную в Ново-Нахичеванскую[2]. Главой епархии стал видный религиозный деятель архиепископ Иосиф Аргутинский (1743-1801), оказавший российскому правительству существенную поддержку в присоединении Крыма и Кавказа.

В соответствии с Гюлистанским (1813) и Туркманчайским (1828) договорами в состав Российской империи вошло несколько восточноармянских областей (Арцах, Сюник, Гандзак, Ереван, Нахичеван). Вследствие этого Эчмиадзинский Патриарший Престол оказался в пределах России. 11 марта 1836 г. правительство Николая I приняло «Положение об управлении делами Армяно-григорианской церкви в России», предоставлявшее Армянской Церкви куцую автономию[3]. Документ дозволял деятельность на территории России (без Закавказья) двух епархий ААЦ: 1. Астраханской и 2. Ново-Нахичеванской и Бессарабской. В введении последней находились армянские церкви и приходы Санкт-Петербурга, Москвы, Малороссии, Крыма, Дона и Новороссии. Под попечительством Астраханской епархии находились Северный Кавказ, Поволжье, Сибирь и Средняя Азия. В 1918 г. Астраханская

епархия была преобразована в епархию Северного Кавказа и Астрахани с центром в Армавире, а приходы ААЦ Средней Азии были переданы под опеку Бакинской епархии ААЦ.

В первые два советских десятилетия обескровленные две российские епархии существовали номинально, и в начале 30-х годов их деятельность была свернута. Формально они были восстановлены в конце Великой Отечественной войны. После 1949 г. все приходы на Юге России перешли под управление Ново-Нахичеванской и Российской епархии.

* * *

В Российской империи государство проводило строгое деление на господствующую церковь, «терпимые» и «гонимые» религиозные направления. К «терпимым» относились инославные (католическая, армяно-григорианская[4], лютеранская) и иноверные (иудаизм, ислам, буддизм и др.) конфессии. Такое деление приводило к ограничению в гражданских правах многих верующих, а зачастую – и к прямым гонениям. Закон строго наказывал принятие православными любой другой веры[5]. Положение других конфессий мало изменилось и после принятия Манифеста 17 октября 1905 г., в котором декларировалась свобода совести. Они не были уравнены в правах с РПЦ.

По отношению к ААЦ царское правительство проявляло непоследовательность. С одной стороны, геополитические интересы России в регионе вынуждали царизм разрешать ее деятельность, но, с другой стороны, особая ее роль в сохранении национального самосознания препятствовала политике по ассимиляции армян, поэтому консервативные круги в правительстве неоднократно пытались «похоронить» самостоятельность ААЦ жесткими административными методами.

Устройство национальных учебных заведений встречало противодействие со стороны царской администрации. Так, например, 22 ноября 1873 г. постановлением Государственного совета «Об устройстве учебной части на Кавказе и Закавказье» в губерниях и областях «заведование всеми казенными, уездными и

начальными училищами, а также общественными и частными учебными заведениями, равно наблюдение за церковно-приходскими школами иноверческих исповеданий» возлагалось на инспекторов народных училищ[6]. В этой связи инспектора искали малейший повод для прекращения деятельности национальных школ.

В период «контрреформ» и в первые годы правления Николая II вновь ужесточилась политика правительства в отношении ААЦ. 2 июня 1897 г. император утвердил проект решения Госсовета, согласно которому открывшиеся при армянских церквах училища должны подчиняться Министерству народного просвещения (МНП) на общих основаниях. Права ААЦ заключались лишь в том, чтобы следить только за религиозным просвещением. Однако через пять лет политика центральных и кавказских властей в отношение ААЦ еще более ужесточилась.

С подачи консервативного министра внутренних дел В.К. Плеве и кавказского наместника Г.С. Голицына, 12 июня 1903 г. правительство приняло дискриминационный закон: «О сосредоточении правления имуществом Армяно-григорианской церкви в России в ведении Министерства Народного Просвещения средствах и имуществах означенной Церкви, коими обеспечивалось существование армяно-григорианских церковных училищ»[7]. Кроме того, 4 мая 1904 г. Плеве направил руководству губерний и областей на Кавказе секретный циркуляр. В нем говорилось: «Высочайшим повелением 1 октября 1903 г. установлено правило, чтобы впредь до пересмотра действующих узаконений об управлении духовных дел христиан армяно-григорианского исповедания, духовные власти сего исповедания при назначении епархиальных викариев, членов консисторий, ректора и преподавателей духовных академий и семинарий, настоятелей монастырей, а также к приходским должностям настоятелей, диаконов и причетников, испрашивали на то согласие: для викариев – главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, а для остальных – подлежащего по месту назначения губернатора или соответствующего должностного

лица»[8].

Плеве требовал от губернаторов составления точных списков лиц, занимающих отмеченные должности. «В случае обнаружения самовольного назначения на таковые должности или допущения к временному их исполнению», требовалось принимать меры к воспрепятствованию назначенным вне установленного новым законом порядка лицам исполнения должностей, с отобранием от них соответственной подписки, а в случае неисполнения ими требований местной администрации по сему предмету, представлять об их действиях Главному Кавказскому Начальству»[9].

«Школьная» проблема выступала только в качестве прикрытия, так как закон посягал на большую часть имущества всей церкви, включая туда все пожертвования, которые в виде капиталов и недвижимого имущества поступали в пользу «национализированных» правительством церковных заведений. Все сословия армянского общества расценили закон как акт, направленный против всей нации, всегда преданно отстаивавшей интересы империи на Кавказе. Так считали и некоторые дальновидные российские чиновники, резко выступившие против мер, предложенных Плеве и Голицыным[10].

Несмотря на то что руководство ААЦ в тот период было больше озабочено событиями, происходившими в Западной Армении, где османское правительство продолжало осуществлять геноцид коренного армянского населения, католикос Мкртич I Хримян (1821-1907) первым подал свой веский голос в защиту национальной Церкви, чья паства проживала во враждовавших друг с другом империях – Российской и Османской[11].

Во всех общинах Ново-Нахичеванской и Бессарабской и Астраханской епархий армянская общественность встала на защиту своей Церкви и ее собственности. Нанося удар по ААЦ, правительство рассчитывало на традиционную верноподданность армян российскому императору. Поэтому для него стала неожиданной резко отрицательная реакция, последовавшая со стороны всей армянской общественности. Так, в начале XX в.

столкновения армянского населения с полицией по поводу конфискации имущества ААЦ произошли во Владикавказе и Армавире[12]. Своими действиями царизм подталкивал страну к революции. Власть стала это осознавать с большим опозданием.

1 августа 1905 г. Николай II подписал указ, фактически отменявший закон от 12 июня 1903 г.[13]. В соответствии с этим актом конфискованное имущество возвращалось ААЦ. Положительную роль в возвращении церкви отобранного имущества сыграло ходатайство нового наместника Кавказа И.И. Воронцова-Дашкова.

Этот указ с глубоким удовлетворением был встречен армянским населением Северного Кавказа. 18 августа в город Кисловодск на встречу с наместником прибыла представительная делегация армянских общин, в числе которой было немало священников. Делегация подготовила заявление, в котором вышеназванный указ воспринимался как восстановление традиционного отношения России к армянскому народу и ААЦ.

Епархиям ААЦ и церковным приходам приходилось преодолевать немало трудностей, связанных со строительством храмов и функционированием национальных училищ. Последние неоднократно закрывали, но под давлением общественности царская администрация вынуждена была разрешать их открытие. Однако все эти проблемы не могли сравниться с конфессиональной, принявшей характер антирелигиозной политикой советской власти.

Для лучшего понимания конфессиональной политики большевиков и ее итогов в отношении ААЦ на Дону и Северном Кавказе рассмотрим ее состояние в досоветский период.

1.2. Состояние северокавказских приходов Астраханской епархии ААЦ в досоветский период

Самыми многочисленными на Юге России были приходы ААЦ на Северном Кавказе. По данным на начало XX в. Астраханская архиепископская епархия (консистория) включала 45 церковных общин, 31 церковь и 70 тыс. прихожан. Составной частью епархии являлось Кизлярское духовное правление, ведавшее 25 общинами, 12 церквами и 60 тыс. прихожан[1]. Астраханской епархией до установления советской власти управляли авторитетные церковные иерархи – епископы и архиепископы: Степаннос Галатаци (1717-?), Минас (1773), Иосиф Аргутинский (1773-1800), Ефрем Дзорагехци (1800-1809), Ованнес Акопян (1809-1829), Нерсес Аштаракеци (1829-1830), Серовбе Салантян (1830-1857), Матевос Вегапетян (1857-1866), Геворк Вегапетянц (1866-1882), Сукиас Парзянц (1882-1886), Геворг Суренянц (1886-1894), Аристакес Сетракян (1895-1906), Мхитар Тер-Мкртчян (1907-1915), Месроп Тер-Мовсисян (1916-1917)[2].

История ААЦ на Северном Кавказе имеет глубокие исторические корни, хотя значительные группы армян прибыли сюда в XVIII в., когда Россия начинала основательно укрепляться в этом стратегически важном для нее регионе[3].

Источники содержат многочисленные сведения о взаимоотношениях миссионеров из Армении с автохтонными народами региона. Так, например, внук Григория Просветителя Григорис в первой половине IV в. отправился с проповедью Евангелия в Южный Дагестан.

Хотя ему удалось посеять первые семена христианства, жизнь его закончилась трагично. На юго-востоке от Дербента расположено село Нюгди, образовавшееся путем слияния сел Мушкур и Моллахалил, в котором до 1796 г. проживали армяне. Здесь находится часовня, построенная на месте гибели Св. Григориса[4]. Она несколько раз восстанавливалась. В последний раз капитальный ремонт произвела в 1885 г. проживавшая в Баку госпожа Качкачянц.

Здесь же сохранилось средневековое кладбище, где имеются многочисленные хачкары и могильные плиты с армянскими надписями. В покинутом армянами селе позже поселились горские евреи, а в настоящее время здесь проживают лезгины и представители других народов Дагестана.

Еще раньше тесные династические взаимоотношения установились между армянскими правителями и аланами. Они стали еще более интенсивными в период крещения алан. Участие в этом событии также принимали миссионеры-армяне. Поэтому вряд ли случайна находка перстня-печати армянского царя Ашота I Великого (IX в.) в богатом женском погребении под полом аланского Северного Зеленчукского храма.

В 1869 г. недалеко от Майкопа, между станицами Белореченской и Ханской, экспедиция Московского археологического общества обнаружила развалины церкви с армянской надписью. Х. Кучук-Иоаннисов перевел ее следующим образом: «Церковь построена каменщиком (имя неразборчиво)…в 620 году (1170 г.) армянской эры». В другой расшифровке прочитали имя каменщика Крымбея, армянина из Каффы (Феодосии). Имеются предположения о несколько более позднем времени основания указанной церкви. Так или иначе, но речь идет о территории, где в первые века второго тысячелетия поселились черкесские армяне (черкесогаи)[5].

По преданию, первыми иноземными поселенцами в горах Черкесии являлись армянские воины, прибывшие сюда в XI-XII вв. Они с почетом были приняты местным населением и вскоре заняли высокое положение в их сословной иерархии. Черкесогаи пополнялись за счет переселенцев из северо-западных районов Армении и главным образом из Крыма. Интенсивные контакты с черкесами, высокая доля межэтнических браков привели к тому, что элементы черкесской культуры проникают во все сферы их жизни, вплоть до языковых диалектов. Однако полной их ассимиляции воспрепятствовала приверженность к Армянской Церкви. В настоящее время в горах Черкесии не обнаружено храмов.

Находятся лишь фрагменты хачкаров. Так, в Темрюкском музее хранится хачкар, найденный на Кубани и датируемый XIII – началом XIV в.

В период Кавказской войны прорусски настроенные черкесогаи переселились на территории, подконтрольные царской администрации. В 1839 г. большая группа черкесогаев основала на берегу р. Кубани Армянский аул, который спустя десять лет был переименован в Армавир, по названию одной из столиц древней Армении. В 1842 г. в Армавире была построена каменная церковь Сурб Аствацацин (Св. Богородицы), в конце XIX в. церковь Сурб Геворк, а в 1904 г. завершилось возведение кладбищенской церкви Сурб Погос-Петрос (Св. Павла и Петра). Из всех трех церквей сохранилась лишь первая, которая после установления советской власти являлась единственным действующим армянским храмом на Кубани.

Самая древняя армянская община у южных ворот Северного Кавказа – в Дербенте в первой трети XVIII в. значительно пополнилась за счет армян, находившихся на русской службе в период Персидского похода Петра I (1722 г.). Тогда армяне проживали не только в Дербенте, но и в его окрестностях, где ими было основано девять селений. Каждая сельская община имела своего священника и культовые сооружения. С тех времен (а может быть и более древних) в ряде мест сохранились армянские кладбища с многочисленными хачкарами и надгробиями[6].

В конце XVIII в. большинство армян покинули Дербент и окрестные села вместе с уходящими войсками генерала В. Зубова. Но после окончательного присоединения Дагестана к России численность дербентских армян вновь возросла. Они проживали в нижней части Среднего города. Первая каменная церковь там была построена в 1782 г. По данным на 1851 г., ее регулярно посещали 325 верующих[7]. Церковь нуждалась в ремонте, поэтому община приняла решение рядом со старой возвести новую – Сурб Аменапркич (Всеспасителя). Автором проекта являлся писатель и драматург Габриэл Сундукян (1825-1912), отбывавший в 1850-е годы в

Дербенте ссылку. Из-за финансовых трудностей строительство храма затянулось на многие годы и завершилось лишь в 1871 г. Строительство церкви обошлось в 8000 руб., причем значительную часть выделил ктитор (староста) церкви кизлярский купец Сергей Степанович Качкачев. Церковь, рассчитанная на тысячу человек, принадлежит к типу крестовокупольной базилики с прямоугольной алтарной апсидой и маленькими первоначально открытыми, позднее изолированными от молитвенного зала приделами. Купол высокий, двенадцатигранный, с коническим покрытием. Обрамления окон и трех дверных порталов парными полувалами и орнаментальная резьба носят отражение армянского средневекового зодчества.

В 1880 г. на средства Ованеса Панунянца с запада церкви пристроена четырехстолпная, трехъярусная колокольня. По свидетельству Е.И. Козубского, церковный причт состоял из двух священников, дьякона и дьячка. Приход насчитывал 12 тысяч человек. Прихожане избирали старосту и попечительство[8]. На фундаменте разобранной старой церкви община построила приходское училище. В настоящее время в здании армянской церкви расположен краеведческий музей.

Кроме того, ныне в Дербенте действует мечеть, которая, по словам исследователя армянской средневековой архитектуры Самвела Карапетяна, ранее также была армянской церковью, но после «радикальной реконструкции сейчас сложно даже представить, какая часть здания церкви сохранилась»[9].

Значительные группы армян проживали и в других городах Дагестана – в Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск) и Порт-Петровске (ныне Махачкала).

В Темир-Хан-Шуре армянская церковь была построена в начале 50-х гг. XIX в. Об этом сообщал предводитель Астраханской епархии архиепископ Матевос, освятивший церковь Сурб Аствацацин (Св. Богородицы)[10].

Более подробно об этом рассказал Е.И. Козубский: «В марте 1843 г. астраханский армянин Матвей Лукьянов Карагашев подал Клюки прошение, что, проживая с 1833 г. в Шуре для торговли,

приобрел капитал в 2500 руб. ассигнациями, почему изъявляет желание построить армянскую часовню, по примеру уже имевшейся римско-католической церкви, куда бы ежегодно приезжал священник. 24 декабря 1844 г. военный министр уведомил командира корпуса, что Государь император, по рассмотрении чертежей армянской часовни, утвердил оные, а в марте 1847 г. инженер штаб-капитан Клименко представил краткое исчисление на постройку армяно-григорианской [церкви] на 3468 руб. 30 ½ коп., а так как Карагашев в 1845 г. был убит неизвестно кем в своей лавке, а оставшееся после него имущество было отдано сестре его Федосье Шапошниковой, то были запрошены проживавшие в Шуре армяне, не найдут ли они возможность собрать между собой нужную сумму, но они ответили, что не имеют возможности. Но, как видно, средства скоро нашлись, ибо 28 июня 1850 г. князь писал воинскому начальнику, чтобы он отвел место на старом форштадте под армянскую церковь, которую местное армянское общество вызвалось построить своими средствами; для церкви дома частью были сломаны, за что уплачено 200 руб., частью отведены новые места по Дербентской улице. Уже 18 апреля 1852 г. князь Аргутинский писал католикосу всех армян, что усердными приношениями армян в Темир-Хан-Шуре строится армяно-григорианская церковь, которая к сентябрю месяцу сказанного года будет окончена; при церкви также будет построен дом для священника и причта, почему и просил о назначении последнего. В 1853 г. священник был назначен из Кизляра (Тер-Сааков) и с ним командирован дьячок Ованес Паремузьанц (в 1854 г.)»[11].

Особая роль князя Моисея Захаровича Аргутинского-Долгорукова в строительстве церкви была увековечена в памятнике, установленном ему напротив городского парка.

Церковь Сурб Аствацацин представляла собой каменное здание с выступающей на востоке полуциркульной апсидой, а на западе – полуротондой. В восточной части зала со стрельчатым деревянным сводом имелись два маленьких придела, устроенных по сторонам прохода в алтарную апсиду.

В Порт-Петровском с 1877 г. действовала церковь Сурб Погос-Петрос (Св. Петра и Павла)[12]. До возведения церкви в обычном помещении службу и церковные обряды совершали священники, приезжавшие из Темир-Хан-Шуры, Грозного и Моздока. В 60-е гг. XIX в. горожане обратились к астраханскому предводителю Матевосу с просьбой о назначении священника «для ведения церковной службы и обучения детей армянскому и русскому языкам»[13]. Больше десяти лет община решала организационные вопросы, собирала средства, а затем приступила к сооружению церкви. Церковь Погос-Петрос действовала до 1930 г., когда храм был конфискован городскими властями. После нескольких «реконструкции» здание церкви потеряло свой внешний вид. Теперь там располагаются вещевые магазины по улице Дахадаева[14].

Армянские поселения на Тереке появились в первой половине XVIII в. Недалеко от будущей крепости Кизляр, ставшей первым российским городом в регионе, в 1710 г. известный армянский предприниматель Сафар Васильев, в соответствии с указом Петра I, основал в своем имении завод для переработки шелка-сырца. Этим было положено начало шелковому производству в России. Вокруг завода образовалось сравнительно крупное армянское поселение Сарафанниково, названное впоследствии Шелкозаводским.

В 1718 г. С. Васильеву было разрешено «с прочими армянами построить на Тереке церковь армянскую своим иждивением, в которой отправлять им службу по своему закону без всякого препятствия и утеснения от тамошних жителей»[15]. Храм в честь Богоматери стал наиболее старинной из всех известных на Тереке армянских церквей. В 1834 г. эту церковь в Шелкозаводском видел штабс-капитан Густав Калмберг. По-видимому, в связи с выездом основной массы армянских поселенцев она прекратила свое существование. В станичных отчетах середины XIX в. церковь уже не значилась.

После основания в 1736 г. крепости Кизляр здесь поселилось 450 армянских семей из Дербента, Карабаха, Персии, преимущественно семьи служащих Армянского эскадрона,

принимавшего участие в Персидском походе первого русского императора. Большинство населения Кизляра вплоть до середины XIX в. составляли армяне. В 1804 г. из 6 тысяч жителей города их было 5 тысяч. В центре города было построено три (по другим данным – четыре) армянские церкви: Пресвятой Богородицы (вторая половина XVIII в.), собор Сурб Григор Лусаворич и Сурб Саркис.

Собор Сурб Григор Лусаворич считался главной архитектурной достопримечательностью города. В 1807 г. был организован сбор средств на строительство собора, но их хватило только для того, чтобы заложить фундамент. Строительство возобновилось благодаря финансовой поддержке московского мецената Лазарева[16]. Собор стал действующим в 1823 г. В «Кавказском календаре» на 1848 г. дается его краткое описание: «Соборная армяно-григорианская церковь замечательная по великолепию и богатству, с местопребыванием армянского Викарного епископа. …Иконы в ней роскошной итальянской живописи и отделаны в богатые золотые и серебряные ризницы, громадный шелковый занавес в соборе закрывает престольную часть алтаря, выткан из цельного куска и стоит несколько тысяч рублей»[17]. По описанию О. Халпахчьяна, собор композиционно представлял собой купольную базилику с высоким барабаном, украшенным снаружи парными в два яруса колоннами. Трехгранная снаружи алтарная апсида завершена небольшим барабаном со сферическим покрытием. Южный и северный входы выделены шестиколонными портиками, а западный – высокой четырехъярусной колокольней с парными колоннами в верхних ярусах[18].

Кизляр в течение двух веков (XVIII-XIX) являлся основным духовным и культурным центром армян Предкавказья. Во второй половине XVIII в. Кизляр стал резиденцией викария, и здесь действовало духовное правление для всего Терского региона. Оно занималось вопросами духовной жизни армянской общины, устанавливало права и обязанности церковнослужителей, контролировало размеры церковных доходов и расходов, поддерживало связь с первопрестольным Эчмиадзином. В Кизляре

находились сады и мастерские, принадлежащие Эчмиадзину, и контроль за получением с них доходов так же входил в обязанности Кизлярского духовного правления[19].

В 1813 г. духовный предводитель российских армян архиепископ Ованес писал Вардапету Манвелу из Кизляра, что по инициативе российских армян был организован сбор средств для нужд населения, пострадавшего от войны. В пользу «несчастных России» в Кизляре было собрано со священнослужителей 2 тыс. руб., а от народа – около 8 тыс. рублей. Архиепископ предлагал продолжить сбор средств в Астрахани, «чтобы наш народ не был в неловком положении перед великой державой»[20].

До присоединения Восточной Армении к России паломники из разных городов империи направлялись в Св. Эчмиадзин через Кизляр. В государственном архиве Дагестана имеются документы об обращении паломников к коменданту Кизляра с просьбой выдать паспорт для проезда в Иран, в состав которого тогда входили восточноармянские земли[21].

К северу от Кизляра располагается село Карабаглы – единственный сохранившийся армянский населенный пункт в Дагестане, впрочем, за последние два десятилетия резко изменивший свой этнический облик. В первые советские годы здесь продолжала действовать небольшая церковь по внешнему виду, как свидетельствовали старожилы села, мало отличавшаяся от русских храмов[22].

Немало кизлярских и дербентских армян переселилось в город-крепость Моздок сразу же после его основания в 1762 г.

В 1785 г. из почти 900 жителей второго российского города на Северном Кавказе более 700 были армяне. В начале XIX в. здесь уже имелись армянские церкви Сурб Аствацацин (Св. Богородицы) и Сурб Стефанос. Позднее на армянском кладбище была возведена церковь Сурб Геворк. Капитальная реставрация последней была осуществлена в 1887 г. на средства местного армянского общества. Наиболее примечательной являлась церковь Св. Стефаноса, построенная в 1774 г. Это было крестовокупольное сооружение с

удлиненным западным рукавом, притворами с севера и юга и колокольней с запада. Восьмигранный барабан с арочными, как и в молитвенном зале, окнами завершался шлемовидным куполом, а квадратная в нижних этажах и цилиндрическая в третьем ярусе колокольня – зонтичной кровлей[23].

В Кизляре и Моздоке функционировали первые на Северном Кавказе армянские церковноприходские училища. Особо выделялось училище в Кизляре, основанное в самом начале XIX века. Оно сыграло важнейшую роль в национальной и культурной жизни армянского населения региона. В начале 1870-х гг. это учебное заведение по принципу обучения достигло уровня семинарии. В нем в основном получали образование дети из светских семей.

В непосредственной близости от Моздока на территории современного Курского района Ставропольского края находится большое армянское село Эдиссия, основанное в конце XVIII в. Предки жителей этого села переселились на берега ставропольской Куры из мушкурского села Кильвар. Потеряв родной язык, они своей принадлежностью к ААЦ сохранили стойкое национальное самосознание. Кильварцы вначале образовали села Азмань и Манучаров, но затем переселились на левый берег северокавказской реки Куры, в лесное урочище Касаева Яма, принадлежавшее семейству отставного майора армянского происхождения Ростованова. Последний уступил часть своего надела армянским семьям, возможно, прибывшим в 1797 г. или даже раньше.

В середине XIX в. по просьбе жителей селение было переименовано в Едессию (искаженный вариант Эдиссия), в память о древнем армянском городе, где в I веке н.э. правил первый христианский царь Абгар, принявший от апостолов – учеников Христа христианство. С этого города началась христианизация Армении[24].

Правовое положение села было закреплено в Жалованной грамоте дербентским и мушкурским армянам императора Павла I от 28 октября 1799 г. 15 августа 1802 г. была возведена первая церковь,

мало чем отличавшаяся от других домов едессийцев. В 1830 г. в центральной части села уже была построена купольная церковь Сурб Аствацацин (Св. Богородицы). Материалом для фундамента и нижней части церкви послужил сырцовый кирпич. Крышу так же, как и купола церкви и колокольни покрыли кровельным железом.

Местные священники и ктиторы регулярно обращались к Моздокскому благочинному, которому они непосредственно подчинялись, и даже к главе епархии в Астрахань с просьбой о содействии в ремонте церкви. Так, например, после обращения в 1854 г. ктитора церкви Вардана Хачатряна глава епархии поручил моздокскому благочинному священнику Хосровяну оказать помощь в ремонте. Несмотря на произведенный капитальный ремонт, со временем церковь опять приняла неприглядный вид – доски колокольни прогнили, купола накренились. 27 февраля 1895 г. все взрослое мужское население приняло участие в собрании, где окончательно было принято решение построить новую кирпичную церковь «по образцу армянских церквей». Начался сбор пожертвований, затянувшийся на многие годы. После того как 18 марта 1911 г. проект и смету на строительство утвердил начальник Терской области, армянская епархия приняла решение приступить к возведению церкви Сурб Аствацацин, и начались строительные работы, завершившиеся в 1914 г.

Едессийцы, отрезанные от родной среды, не могли писать и читать по-армянски. Единственным выходом было национальное воспитание. 10 января 1865 г. открылось одноклассное мужское приходское училище. Оно расположилось в притворе храма и содержалось за счет церкви и денежных пожертвований жителей. В училище преподавали Закон Божий, армянский и русский языки, арифметику, чистописание и пение. Занятия вели священники, которые рассказывали детям также и об истории Армении, ее церкви.

В 1884 г. едессийским армянам удалось построить специальное здание для приходского училища, где обучалось более 83 школьников. В 1907 г. было возведено еще более вместительное

здание училища, на базе которого в следующем году открылся и женский класс. В мужском и женском классах преподавали четыре учителя и одна учительница.

Своим первым священником едессийцы считают Тер-Мартироса Гюльбекяна, рукоположенного в священники в Эчмиадзине в 1812 г. Тер-Мартирос прослужил до 1860 г. С 1834 г. вместе с ним нес службу священник Микаэл Сафарян. Общество Едессии неоднократно ставило перед епархиальными властями вопрос о назначении священников из местных юношей. 7 августа 1868 г. ктитор церкви Аствацатур Миранян обратился в Астрахань к архиепископу Матеосу с просьбой удостоить звания священника писца Геворка Арутюняна. Через десять лет, 12 марта 1877 г. общество Едессии вновь обратилось с подобной просьбой к новому главе епархии, указав, что Геворк Арутюнян, обучается в епархиальной школе в Кизляре. Просьба была удовлетворена.

После кончины Тер-Геворка в 1900 г. своей пастве до 1910 г. достойно служил его сын – священник Григор Арутюнян. В период священства Тер-Геворка служителями церкви также являлись Абраам Погосян, Вардан Хачатрян, Геворк Мурадханян и Галуст Мугдусян. Хорошо известны подвижники церкви из рода Власянов. Первый из них – Овнан Власян – являлся в 1850-60-е гг. ктитором церкви Сурб Аствацацин. С 1878 г. обязанности ктитора исполнял Егиазар Власян, а затем – Карапет Власян, обучавшийся в Эчмиадзинской духовной семинарии и 4 августа 1885 г. рукоположенный в священники. Его жизнь закончилась в середине 20-х гг. XX в.

Крупнейшим приходом ААЦ на Ставрополье являлся город Святой Крест (Сурб Хач) основанный арцахскими (карабахскими) армянами в конце XVIII в. в соответствии с Жалованной грамотой дербентским и мускурским армянам от 28 октября 1799 г. В XX в. название города неоднократно менялось и в настоящее время он носит название Буденновск.

До конца XIX в. это был небольшой армянский город, который часто называли Карабаглы, так как значительную часть армян

составляли выходцы из Карабаха. Накануне Первой мировой войны численность русского населения достигла армянского, а затем и превысила его. В Жалованной грамоте Павла I к числу важнейших «дозволений» относилось право на свободное отправление армянами «исповедания христианской их веры, нашими предками установленного». Разрешалось «строить монастыри, церкви, колокольни и другие церковные здания с отправлением в оных по законам их церковных и духовных чиноположений, завися по делам духовным от власти армянского патриарха Луки (католикоса Гукаса Карнеци. – В.А.) и наместника его, находящегося в империи нашей, архиепископа Иосифа (глава епархии И. Аргутинский. – В.А.)»[25]. Документ подтверждал организационную структуру «находящейся в Астрахани армянской духовной консистории», в управлении которой находились церкви и приходы всей России.

В центральной части поселения выделено место под будущую церковь. В 1819 г. она была возведена из маджарского кирпича (поблизости от Святого Креста находились развалины исчезнувшего в XV в. монгольского города Маджары) и названа именем св. Георгия Победоносца (Сурб Геворг).

Весной 1797 г. значительная часть дербентских армян основала селения Дербентское, Малохолинское и Караджалинское (Карабаглы) на отведенных для них землях между дачами Терского войска и владениями помещика Тарумова. В с. Малохолинском была возведена церковь во имя Спасителя (Сурб Пркич), в приход которой вошли и армяне соседних селений. В конце 1830-х гг. жители этих сел вынуждены были оставить их и поселиться в Святом Кресте. В память об оставленной церкви в Малохолинской новопоселенцы в 1849 г. возвели в городе храм, назвав его прежним ее именем. В конце XIX в. была сооружена еще одна городская церковь, получила имя Сурб Аствацамайр (во имя Божией Матери). Помимо названных церквей в городе функционировали и другие объекты ААЦ: часовня, приходские училища и др.

Городской магистрат, именовавшийся Армянским судом, содействовал открытию в начале 1870-х гг. приходского училища. В

церковных помещениях и раньше за небольшую плату священник обучал детей грамоте. Теперь же учебное заведение финансировалось и из городского бюджета. Ежегодно на его содержание выделялось более 1000 рублей. В конце этого же десятилетия открылось второе двухклассное училище, перешедшее впоследствии в ведение Ставропольской губернской дирекции. Несмотря на то что приходское училище финансировалось тремя армянскими церквами города, его несколько раз закрывали губернские власти, хотя после настойчивых требований общественности и духовенства оно вновь открывалось.

На Северном Кавказе после Кизляра Святой Крест имел наибольшее число служителей ААЦ. В 1873 г. к духовному сословию относилось 22 человека. В 1890-е гг. в списке лиц, занимавших должности по духовному ведомству, числилось шесть служителей, в том числе два священника (Кеворк Минаевич Агаев – благочинный священник, сын дьякона; Кеворк Исакович Тер-Мелкиседекянц – сын священника) и четыре псаломщика: Нерсес Карапетович Калабекянц, Георгий Осипович Мурдугов (сын священника), Аким Карапетович Тер-Минасянц и Карапет Овакимович Калабекянц[26].

Сразу же после основания Георгиевской крепости в 1777 г. здесь появилась армянская община, компактно проживавшая в отдельном городском районе. Предположительно в 1793 г., была построена первая в регионе деревянная армянская церковь Сурб Петрос-Погос (во имя Петра и Павла). Достоверно не известна судьба этой церкви, однако, по информации за 1817 г., служба осуществлялась в церкви Сурб Геворг, находившейся в другом районе города (в районе улиц Шаумяна – Шилина). Ее прихожанами являлись не только жители Георгиевска, но и курортных городов. Причем до 1840-х гг. духовным пастырем всех армян Кавминвод являлся георгиевский священник Саркис Тер-Погосян. Многие георгиевские армяне в 20-е гг. XIX в. переселились в город Ставрополь, куда был перенесен областной центр.

В городе-крепости Ставрополе отдельные армянские семьи появились сразу же после его основания в 1777 г. На карте города за 1805 г. значится обширное Армянское кладбище, равное по площади крепости. Строительство церкви началось в 1808 г., когда в Город Креста переселилось сразу 50 армянских семей. В рапорте на имя губернатора ставропольский городничий Зервальд 25 сентября 1808 г. писал: «Здесь временно торгующие армяне, не представя плана на приговор между собой созданный, ни позволение от начальства, купя себе место от здешней казачьей станицы возле рядов, начали строить каменную церковь». На этот рапорт губернатор ответил следующим образом: «Даю вам знать, что…место, указанное Ставропольской станицей…городу не принадлежит и зависит не от гражданского, а от военного начальства…и строить им сию церковь не препятствовать»[27].

Строительство церкви Сурб Григор Лусаворич (Св. Григория Просветителя) было продолжено, но завершение ее затянулось на долгие годы. Это было связано с недостатком средств на возведение большого по размерам сооружения. При содействии нового управляющего Кавказской областью генерала Георгия Эммануэля строительство храма возобновилось и было закончено в 1836 г. Церковь была деревянной и облицована камнем. Вначале было два купола. Но к концу 40-х гг. один из куполов из-за ветхости снесли.

В становлении и развитии прихода и церкви г. Ставрополя значительный след оставил Петр Серафимович Патканов – выходец из семьи обер-офицера. Окончив Астраханское духовное училище, он преподавал армянский язык в училищах Астрахани и Нахичевани-на-Дону. В 1835 г., по распоряжению епархии, он был направлен в Ставрополь в качестве благочинного при церкви Сурб Григор. После открытия Ставропольской губернской гимназии он преподавал там армянский язык. В 1842 г. им была подготовлена и издана книга на армянском языке «Начертания армяно-григорианской литургии», которой пользовались многие священнослужители. По предложению П.С. Патканова, армянское общество города приступило к строительству при храме каменного

дома для приходского училища. Оно открылось в 1851 г. и содержалось на средства армянской общины. В первый год в этом учебном заведении обучалось 30 детей.

Как и в других армянских общинах, церковь превратилась в национальный очаг для ставропольских армян. Ее служители пользовались огромным доверием у своих прихожан и у городской администрации. Особую активность проявляли церковные старосты-ктиторы. Так, например, решением Астраханской епархиальной консистории от 2 декабря 1858 г. специальную награду получил церковный ктитор купец Давыд Чавтаров. Это решение в своих рапортах поддержали бургомистр и полицмейстер города.

Численный рост общины вызвал необходимость строительства новой церкви. С этой инициативой выступили известные в городе купцы Макар Попов (Поповянц) и Тер-Микелов. Их старания увенчались успехом в 1867 г., когда наместник издал указ, разрешающий строительство каменной армянской церкви в г. Ставрополе. Во исполнение циркуляра МВД от 26 января того же года начались изыскательные работы и проектирование храма. Выполнение проекта поручили архитектору Прозоровскому. Строительством церкви руководил купец 2-й гильдии Макар Попов. Подготовительные работы затянулись до 1876 г. При утверждении проекта возникли возражения в отношении надежности грунта, размеров и внешнего облика самой церкви. После существенных изменений, внесенных в проект церкви Эчмиадзинским Синодом, начались строительные работы. В акте от 11 марта 1878 г., подписанном губернским и городским архитекторами, купцами Макаром Поповым и Иваном Чуваловым, отмечалось, что хотя не все возникшие проблемы по устранению недостатков в проекте разрешены, стены храма уже возведены до окон первого этажа.

В начале апреля 1881 г. был представлен акт о завершении строительства и готовности церкви для освящения и начала богослужения. Внутреннее убранство храма отличалось красотой и богатством. Своды его расписаны ярким колоритным и

великолепным рисунком. В ограде церкви находили последний покой наиболее уважаемые члены армянского общества. Памятники и склепы изготовлялись из мрамора и гранита[28].

В донесении полицмейстера в канцелярию Ставропольского губернатора от 27 июня 1904 г. сообщается о священнослужителях церкви. В их числе: настоятель – священник Карапет Исаевич Ягоянц, посвященный в сан 27 октября 1889 г. епископом Георгом Суренянцем[29]; помощник настоятеля – священник Саак Григорьевич Тер-Ованесянц, посвященный в сан 9 февраля 1903 г. епископом Аристакесом Седракяном (1845-1906)[30]; псаломщики – Ованес Богосович Голубянц, уроженец г. Ново-Баязета, и Хачатур Айрапетович Тер-Акопянц из села Корби Эриванской губернии. Первый служит с 20 сентября 1889 г., а второй – с 15 мая 1903 г.

После возведения церкви встал вопрос о расширении мужского и женского приходских училищ. На средства купца 1-й гильдии Ивана Павловича Чувалова была построена большая каменная пристройка к старому небольшому помещению. К 80-м гг. XIX в. два приходских училища перешли под контроль дирекции училищ Ставропольской губернии. В русле политики контрреформ в период правления Александра III началось наступление на национальные учебные заведения. Но и в первые годы правления Николая II необходимость их закрытия мотивировалась властями тем, что они содержались не за счет церкви, а за счет общины. На самом деле, по данным об источниках содержания ставропольского армянского приходского училища на 1894 г., церковь выделяла 400 рублей, а 650 руб. собирались от устраиваемых учащимися базаров и спектаклей; 150 руб. – пожертвования от частных лиц и только 300 руб. составляли поступления от родителей за обучение. По распоряжению Главноначальствующего на Кавказе армянские училища немедленно передавались в ведение МНП. Однако заведующий мужского и женского училищ священник Варфоломей Бекгулянц отказался выполнить это требование, что вызвало гнев ставропольского полицмейстера.

Ставропольская армянская церковь играла значительную организующую роль в общине, поддерживала национальные традиции, обычаи, осуществляла благотворительную деятельность. Под ее опекой находилось ухоженное кладбище, возникшее сразу после возникновения армянской общины (ныне городской Октябрьский район). С установлением советской власти кладбище было закрыто, после чего началось его планомерное уничтожение. Небольшая часть оставшихся мраморных памятников в 1960-е гг. была свезена на территорию конторы Даниловского кладбища.

На кладбище стояла деревянная часовня, которая со временем обветшала. Астраханская епархиальная консистория и священники Ставропольской армянской церкви обратились к властям с просьбой разрешить строительство новой каменной часовни на кладбище. 10 марта 1913 г. такое разрешение было получено. Усилиями Гегецик Карапетян-Поповянц были проведены работы по ее реставрации. Однако Первая мировая война и установление советской власти не позволили завершить начатое.

С постройкой крепостей в долине р. Подкумок и началом эксплуатации целебных вод стали развиваться курортные города Кавминвод, где также возникли армянские общины. Самой крупной из них стала пятигорская. После основания в 1780 г. Константиногорской крепости, а затем и курортного поселка Горячие Воды (1803), переименованного в 1830 г. в г. Пятигорск, здесь появились армянские купцы из Новой Нахичевани, Кизляра, Моздока и Георгиевска. В непосредственной близости от Горячих Вод возникают два поселения черкесогаев: Армянский аул, где в настоящее время находится роща, именуемая Армянским лесом, и Лысогорско-армянская станица.

В середине 1830-х гг. купцы Золотарян, Шоршорян, Ачакян, Челохян, Чологаян, Атарбекян и другие видные представители общины обратились к правительству с просьбой о выделении участка под строительство церкви. В 1836 г. в Петербурге было разработано два варианта проекта церкви, но по неизвестным причинам ни один из них не был осуществлен. Долгое время после

этого община довольствовалась молельным домом, где службу осуществляли священник Тер-Арутюн, прибывший в 40-е гг. в Пятигорск из Екатеринодара, а затем георгиевский священник Саркис Тер-Погосян. Он занимал комнату в доме первого армянского ктитора Багдасара Ходжаяна. Впоследствии эту обязанность исполняли К. Хазизян, М. Мурадян, Г. Атабекянц, Б. Ходжаян, Г. Свешникян, О. Свешникян, К. Шаламян, Д. Гюрджян и др. Ктиторы вместе со священниками и приходским советом неоднократно обращались к властям с просьбой разрешить строительство церкви, собирали средства для этой цели[31].

В 1860-х гг. община вновь выступила с просьбой о выделении места для возведения церкви. Городские власти приняли положительное решение, но вместо просимого места на углу улиц Базарной и Царской (сейчас это угол улиц Крайнего и Кирова) был предложен участок около рынка, неподалеку от Армянской улицы (ныне – улица Гоголя). Но и после этого возникает еще много препятствий и даже нежелание практически решить проблему.

Но намерения общины были серьезны, и в конечном итоге под будущую церковь выделили место, которое указывалось в первой просьбе общины. Интенсивное возведение церкви Сурб Таргманчац (Святых Переводчиков Саака и Маштоца) началось только в 1870-е гг. Средства поступали не только от пятигорчан, но и от других армянских общин России, Эчмиадзина и Астраханской консистории. Летом 1877 г. духовным пастырем пятигорских армян стал священник Стефан Тер-Григорян из Астапата (Старый Нахичеван). Он пользовался большим авторитетом в общине, занимался просветительной деятельностью. Одну из комнат в молельном доме он приспособил под учебный класс. В связи с тяжелой болезнью Тер-Стефан вынужден был покинуть Пятигорск, что отрицательно повлияло на ход строительных работ. В 1884 г. приходской совет попросил епархию направить в город выпускника высшего училища Нерсесян кизлярца Абраама Шхинянца. Епископ Сукиас дал согласие, и через год Абраам был рукоположен в священники.

В течение долгих лет Тер-Абраам являлся настоящим духовным предводителем армян Пятигорска. При нем в конце 1880-х гг. завершилось возведение церкви Сурб Таргманчац, а спустя десять лет – двухъярусной колокольни. Прихожанами церкви Святых Переводчиков являлись все армяне Кавминвод. Предположительно в начале XX в. свою церковь также построила армянская община Кисловодска. Ее здание было разрушено в начале 1960-х гг.

Постройка церкви Сурб Таргманчац позволила ускорить открытие приходского училища. Летом 1887 г. глава епархии епископ Геворг Суренянц сообщил о согласии властей на открытие в Пятигорске начального церковноприходского училища. В связи с открытием училища католикос Макар Техутци (1885-1891) направил приветственное послание, в котором отмечалась значимость этого события для всех армян России. К концу XIX в. община завершила строительство большого двухэтажного училища. Здесь изучались армянский и русский языки, Закон Божий, арифметика, чистописание и пение. Фактически каждый предмет вел преподаватель, имевший специальное образование[32].

Пятигорскому армянскому приходскому училищу приходилось на деле отстаивать свое право на существование. Так было в середине 90-х гг., когда по настоянию начальника Терской области армянские учебные заведения стали закрываться под предлогом «слабого преподавания государственного языка империи». Сразу же после приказа директора народных училищ области Грушевского о закрытии училища попечители обратились к властям с просьбой провести тщательную проверку системы преподавания русского языка. Инспектор Яновский по результатам проверки честно констатировал, что обучение русскому языку ведется на очень высоком уровне. Таким образом, учебный процесс в армянском училище не был приостановлен. Впрочем, возобновлению деятельности армянских учебных заведений способствовал визит на Северный Кавказ в 1895 г. католикоса Мкртича I, особо почитаемого армянским народом, которого называли Айрик (Отец). Тогда он

посетил Ставропольскую губернию, Кубанскую область и сделал длительную остановку в Нахичевани-на-Дону.

Несмотря на то что большая часть армянских детей обучалась в русских школах, именно приходское училище (вместе с церковью) являлось основным национальным и культурным центром пятигорской армянской общины.

Астраханской консистории подчинялись также приходы ААЦ на Кубани и Черноморье[33]. В дороссийский период на Кубани ААЦ присутствовала преимущественно среди черкесских армян (черкесогаев). Духовную миссию среди них осуществляли священники, иногда приезжавшие из Армении, Крыма и других армянских колоний. О культовых сооружениях ААЦ того периода информация крайне скудная.

Церковная жизнь среди черкесогаев возобновляется на территориях контролируемой русской администрацией. Достоверно известно о существовании церковных сооружений в ряде русских укреплений, например, в Ейском укреплении, где служба велась в небольшой деревянной часовне. В 1802 г. ее разобрали и перевезли в Екатеринодар. Этой церкви, как теперь называли прежнюю часовню, отвели место рядом с пересечением улиц Красной и Крепостной (ныне – улица Пушкина). Ее месторасположение зафиксировано в генеральном плане Екатеринодара, составленном 30 сентября 1818 г.[34].

В 1834 г. была произведена реконструкция, после чего культовое сооружение приобрело форму церкви и по внешнему виду. В 1863 г. в начале улицы Красной началось возведение новой церкви Сурб Аствацацин. В 1865 г. торжественную церемонию освящения этой церкви провел глава Астраханской епархии архиепископ Геворк Вегапетянц (1866-1882). На этом торжестве присутствовали начальник области Ф.Н. Сумароков-Эльтон, екатеринодарский городской голова К.И. Фролов, видные представители армянской общины[35].

После основания черкесогаями Армянского аула, переименованного в 1848 г. в Армавир, преимущественно на

средства московских меценатов Христофора и Оганеса Лазаревых в 1840 г. начинается строительство деревянной церкви на каменном фундаменте. Однако в результате пожара 15 августа 1842 г. храм сгорел до основания[36].

На следующий год под непосредственным руководством переехавшего из Ставрополя духовного пастыря Армавира Петроса Патканяна началось возведение новой каменной церкви Сурб Аствацацин. Из-за проблем с финансированием и отсутствием завода по производству кирпича строительство церкви затянулось почти на два десятилетия[37]. В этой связи Гавриил Айвазов, не получив предварительного разрешения властей, на свои средства в 1847 г. на центральной площади Армавира возвел деревянную часовню. Астраханская епархия добилась узаконения этого сооружения[38].

Что же касается церкви Сурб Аствацацин, то ее строительство завершилось только 25 августа 1861 г. В том же году главный храм Армавира освятил архиепископ Матевос Вегапетян. Вокруг церкви была сооружена высокая кирпичная стена с бойницами и четырьмя бастионами по углам[39]. Церковный причт состоял из двух священников, одного дьякона и двух причетников (псаломщик и дьячок)[40]. В ограде храма хоронили наиболее известных духовных деятелей Армавира. Так, в 1866 г. там был погребен монах Карапет Арцивян, который с 1815 по 1832 г. жил и проповедовал в горах у черкесогаев. Прихожане его с любовью называли Вардапет (Наставник). На сохранившемся белом мраморном надгробии начертано: «Здесь покоится Вардапет Арцивян – монах, отважный защитник, утешитель и спаситель черкесских армян...»[41].

Третье культовое сооружение ААЦ Армавира было построено в 1868 г. на южной окраине города в память о счастливом спасении императора Александра II от покушения террориста Антона Березовского во время пребывания императора на Всемирной выставке в Париже 25 мая 1867 г. Эту часовню освятил новый глава епархии Геворг Вегапетянц[42].

Таким образом, в 1917 г. в Армавире действовали три армянские церкви и один молельный дом.

Большинство церковной общины в Баталпашинске (Черкесске) также состояло из черкесогаев. В этом городе церковь была возведена в 1888 г.

Кроме указанных храмов, к концу войны с горцами в Анапе действовало еще одно культовое сооружение ААЦ – молельный дом находившийся рядом с нынешним городским универмагом. При советской власти его разрушили.

После русско-турецкой войны 1877-1878 гг. положение западных армян ухудшилось. В 90-е гг. XIX в. османским правительством осуществлялись массовые убийства в восточных областях империи (Западная Армения), в результате чего в южнороссийский регион устремились потоки беженцев, не прекращавшиеся вплоть до начала Первой мировой войны, когда турецкое правительство решило окончательно «решить» Армянский вопрос путем тотального уничтожения коренного населения. С увеличением численности армянского населения в Кубано-Черноморской области, особенно за счет западных армян, в старых и во вновь образованных поселениях возводятся новые культовые сооружения ААЦ. По данным историка М.С. Симоняна, к 1917 г. в Кубанской области их было 10, в Черноморской губернии – 3. Это были церкви, молельные дома и часовни[43]. Большинство прихожан этих церквей составляли амшенские (черноморские) армяне.

Кроме того, почти во всех небольших армянских хуторах имелись небольшие незарегистрированные властями культовые строения, в которых проводились религиозные обряды приезжими священниками. Так, в одном из распоряжений главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, адресованном начальнику Кубанской области, говорилось, «что духовные требы проживающих на побережье Черного моря армян, бежавших из Турции в наши пределы, за отсутствием там постоянных священников, назначенных армяно-григорианским духовным ведомством, совершают переселившиеся вместе в

означенными беженцами в наши пределы армяно-григорианские священники, которые по разрешению Министерства Внутренних Дел не имеют на то права, как не приглашенные по распоряжению сего Министерства на службу в Россию»[44].

На Кубани, как и в других регионах, после строительства церквей общины обращались к местным властям с просьбой разрешить открытие приходских училищ. Первые два училища действовали при храмах в Армавире и Екатеринодаре.

В 1845 г. по инициативе Петроса Патканяна и на средства, выделенные моздокским купцом 1-й гильдии Давидом Улухановым (Улуханяном), при армавирской церкви Сурб Аствацацин началось строительство здания церковноприходского училища для мальчиков. В следующем году начался учебный процесс. В 1859 г. в училище для мальчиков при трех учителях обучалось 120 учеников. В 1847 г. там же открылось платное приходское училище для девочек. В течение трех лет учащиеся изучали Закон Божий, армянский и русский языки, чистописание, арифметику и пение. В 1854 г. обязанности управляющего этой школой выполнял коллежский регистратор Ф.В. Глаголев[45].

В 1863 г. в Екатеринодаре открылось одноклассное училище, которое со временем разделилось на два самостоятельных – мужское и женское[46]. В 1910 г. завершилось строительство нового здания учебного заведения[47].

Всего к 1917 г. на территории Кубанской области и Черноморской губернии имелось более 25 армянских школ, в том числе в городах Армавире (4 училища), Екатеринодаре, Анапе, Майкопе, Новороссийске, Сочи, ст. Баталпашинской, селах Вардане, Тенгинке, Уч-Дере и др.[48]. В большинстве своем это были приходские училища.

В конце XIX в. активно обсуждался вопрос об устройстве в Армавире епархиальной духовной семинарии. Эту идею поддержал католикос Мкртич I Хримян (Айрик). Руководство епархии настаивало на строительстве семинарии в Астрахани – центре епархии. В августе 1895 г. в Армавире астраханский епископ Хорен

провел совещание с руководством общины, в ходе которого выяснилось, что местное общество не сможет обеспечить финансирование строительства и работы семинарии. В 1899 г. вышеназванное духовное учебное заведение открылось в Астрахани[49].

Устройство национальных учебных заведений встречало противодействие со стороны царской администрации. Попытки закрыть армянские приходские училища происходили неоднократно, и только решительное сопротивление со стороны руководства ААЦ и общественности (например, открытое выступление населения в Армавире) способствовало их открытию[50].

Деятельность священников ААЦ на Кубани и в других регионах Северного Кавказа осуществлялась в условиях контроля со стороны полицейских органов. Последние вели тщательное наблюдение за священнослужителями особенно теми, которые подозревались в связях с национальными партиями. Под особым подозрением находились турецкоподданные священники[51]. Нередко в их отношении принимались жесткие административные меры, в том числе аресты и ссылки. Например, астраханскому епископу Хорену было отказано в посещении Армавира, а александропольскому священнику Месропу Крикору Бадоеву категорически воспрещалось пребывание на Кубани и Черноморье[52]. Наоборот, из Закавказья на Северный Кавказ высылали неугодных армянских священников, в том числе принадлежавших к униатской Армянской католической церкви (АКЦ). Так, с июня 1894 г. по февраль 1895 г. в г. Ставрополе находился под надзором полиции священник АКЦ г. Артвина Тер-Эпоян[53].

На Юге России отдельных храмов АКЦ не было, поэтому немногочисленные группы армян-униатов, преимущественно выходцев из Джавахка, Ширака и Артвина, являлись прихожанами римско-католических костелов, в некоторых из которых богослужение велось по армянскому и латинскому обрядам одновременно. Впрочем, нередко армяне-униаты возвращались в лоно национальной ААЦ. Но были и случаи постепенной утраты

связи со своими соотечественниками и потери национального самосознания вследствие браков с представителями других национальностей исповедовавшими католичество[54].

Такова была общая картина состояния ААЦ на подведомственной Астраханской епархии территории до установления советской власти.

1.3. Донские приходы Ново-Нахичеванской и Бессарабской епархии в XVIII – начале XX в.

Армянские приходы на Дону относились к Ново-Нахичеванской и Бессарабской епархии. Город Кишинев во второй половине XIX в. фактически утратил роль епархиального центра. Наоборот, таковым больше признавался город Нахичевань-на-Дону, основанный крымскими армянами на основании грамоты императрицы Екатерины II от 14 ноября 1779 г.

Окончательно Нахичевань стала центром второй епархии ААЦ в России только в середине 90-х годов XIX в. По числу прихожан, церковного клира, количества культовых сооружений армянская колония на Дону превосходила все другие крупнейшие армянские поселения и общины России.

В г. Нахичевани-на-Дону и в пяти окрестных селах в начале XX в. имелось более 15 храмов, при которых функционировали приходские училища. Причем в пределах города Нахичевани-на-Дону, до середины XIX в. превосходившего по численности населения соседний Ростов-на-Дону, в досоветский период действовали монастырь Сурб Хач, семинария и семь церквей: шесть приходских (включая кафедральный собор) и одна кладбищенская.

Кафедральный собор Сурб Григор Лусаворич (Св. Григория Просветителя) располагался в центре Нахичевани. Его план, по поручению Екатерины II, был составлен архитектором Иваном Старовым, одновременно строившим Таврический дворец. Собор возводился 24 года на месте построенной в 1783 г. деревянной церкви. Поскольку возведение главной церкви могло продлиться долгие годы, по предложению духовного предводителя российских армян Иосифа Аргутинского построили временную деревянную часовню.

По инициативе католикоса Гукаса I Карнеци на средства местных армян в 1800 г. было возведено кирпичное здание, а на месте деревянной церкви построена часовня. Свой завершенный вид собор приобрел в 1814 г. Величественное монументальное

сооружение в форме русского классицизма, представляло собой прямоугольник с вписанным крестом, выступающий на восток полуциркульной апсидой и пристроенной с запада трехъярусной колокольней. Средокрестие храма завершалось массивным круглым барабаном, увенчанным куполом. Колокольня была значительно выше храма. На ее верхнем ярусе размещались городские часы. Три входа в храм выделялись трехпролетными порталами. Фасады имели ордерную декорировку, основу которой во всех ярусах составляли тосканские колонны и пилястры. Художественное убранство здания дополняли привезенные переселенцами из Крыма хачкары XIV-XVIII вв. Недалеко от собора располагалось приходское училище во имя Святой Рипсиме. Главный армянский храм Нахичевани дал название центральной улице города – Соборной (теперь это Советская улица, а от 26-й линии – ул. Ереванская)[1].

В непосредственной близости от собора, на углу 26-й линии и Базарной площади, располагалась духовная семинария. В доме, построенном в 1787 г., Аргутинский открыл духовную школу, превращенную в 1875 г. в училище, а в 1881 г. в семинарию. Со временем деревянное здание было заменено на каменное. В семинарии обучались не только нахичеванцы, но и иногородние, общим числом около 350 учащихся, для которых в правой части третьего этажа имелись общие спальни на 100 человек. Левую часть этого этажа занимал большой актовый зал[2].

Самым ранним из всех нахичеванских храмов являлась церковь Сурб Аствацацин (Св. Успения Пресвятой Богородицы), заложенная в 1781 г. В 1819 г. архиепископ Ованнес получил разрешение на строительство нового каменного храма на месте между 23-й и 25-й линиями на 1-й Успенской улице (ныне – 1-я Пролетарская улица, № 2). В 1856 г. к храму добавили пристройку, увенчанную двухъярусной звонницей. Рядом располагалось приходское училище. В ограде церкви находились могилы меценатов Ованнеса Попова и Степана Натальяна[3].

В 1781-1783 гг. была возведена деревянная церковь Сурб Никогос (Св. Николая Чудотворца). По имени этой церкви получила

свое название улица Никольская. Поблизости, на углу 1-й линии и 1-й Успенской улицы вскоре был построен каменный храм. При церкви находилось кладбище, где были похоронены известные нахичеванцы: полковник Ованес Абрамян, привезший из столицы Указ Екатерины II о привилегиях для нахичеванских армян; Арутюн Халибян, пятнадцать лет (с перерывами) являвшийся главой Нахичевани-на-Дону; Маргар Айрапетян, общественный деятель, близкий друг Микаэла Налбандяна[4].

В 1783-1786 гг. построили церковь Сурб Теодорос (Св. Феодора), и в ее честь назвали улицу, на которой она стояла (ныне – ул. Мясникова и Сарьяна). Позже на новом месте была возведена каменная церковь Сурб Теодорос – между 35-й и 37-й линиями (там, где сегодня находятся гаражи во дворе домов № 47 и 49 по 35-й линии). Внутренность храма украшали 10 хачкаров.

В западной части города, на границе между Ростовом и Нахичеванью (где ныне установлена стела на Театральной площади), в 1783 г. началось строительство церкви Сурб Геворг (Св. Георгия). 5 декабря 1787 г. церковь была освящена Иосифом Аргутинским. В первой половине XIX в. деревянную церковь заменила каменная. В интерьере церкви имелись хачкары, привезенные из Крыма, хранились старинные книги, церковная утварь, в том числе храмовая святыня – мощи Св. Георгия, заключенные в блестящую серебряную коробку с надписью: «Память от паломника Степана Генджецяна в 1849 году, Святому Георгию, Нахичеван». Храм Сурб Геворг называли также церковью Хардылеза, как один из самых любимых в Нахичевани праздников в честь Св. Георгия. Во время этого праздника, после окончания богослужения, на площади перед церковью несколько дней проходили народные гулянья, во время которых юноши выбирали невест[5].

Между 34-й и 36-й линиями на 2-й Вознесенской улице (ныне – ул. Рябышева) находилась церковь Сурб Амбарцум (Св. Вознесения), заложенная в 1781 г. и освященная 27 августа 1783 г. И. Аргутинским. Построенная из дерева, она позже была заменена

на каменную церковь с полукруглой апсидой, световым барабаном с куполом и небольшой звонницей над входом. Внутри храма находились хачкары, один из которых датировался 1439 г. В ограде церкви похоронены благотворитель Мкртыч Гогоев, основатель армянской женской прогимназии (ныне гимназия № 14 по 28-й линии), и его жена – Српухи Гогоян[6]. При церкви функционировало мужское приходское училище, построенное 27 июля 1866 г.

Кирпичная церковь Сурб Карапет (Иоанна Крестителя), построенная в архитектурном стиле армянских крестово-купольных храмов, – единственное уцелевшее в городе армянское культовое сооружение, не считая монастырской церкви Сурб Хач, ныне расположенной в черте г. Ростова-на-Дону. Церковь была заложена в 1875 г. в тупике на 10-й линии на средства Акулины Аладжаловой. Сурб Карапет вместе с другими постройками и прилегающим кладбищем, где нашли вечный покой известные нахичеванцы, ныне является мемориальным комплексом. При церкви действовала богадельня, рассчитанная на проживание шестидесяти престарелых и бездомных. Каменное здание богадельни было построено на два года раньше самого храма (ныне принадлежит командованию воинской части).

В семи километрах к северу от Нахичевани, на высоком правом берегу Темерника, на земле, купленной на средства гандзакского архимандрита Симона, прибывшего вместе с крымскими армянами, основан монастырь (ванк) Сурб Хач (Святой Крест). В центре монастыря еще в 1783 г. была построена деревянная церковь, а 21 января 1786 г. заложено каменное строение собора, освещянное 27 ноября 1792 г. архиепископом Иосифом Аргутинским[7].

В 1862 г. в монастыре была произведена реконструкция. Сооруженная в стиле классицизма монастырская церковь имела в плане форму прямоугольника, расширенного в средней части, с выступающей на востоке полуциркульной алтарной апсидой. Композиционным центром здания являлся круглый барабан, увенчанный высоким куполом. Южный и северный фасады выделены четырехколонными портиками. Стены собора украшали

привезенные из армянских церквей Крыма тринадцать хачкаров XV-XVII вв. Особо почитался камень по преданию освященный апостолом св. Фаддем (Тадевосом). Перед собором соорудили двухъярусную колокольню с высоким четырехгранным шатром. При монастыре находились жилые, производственные и служебные постройки: первая на всем Юге России типография, двухэтажный архиерейский дом, приходское училище, преобразованное в семинарию с пансионатом. Монастырь Сурб Хач являлся одним крупнейших национальных очагов культуры и просвещения за пределами Армении.

Монастырские земли сначала управлялись общиной с. Большие Салы, но с 1883 г. были приписаны к Нахичевану. В северо-восточной части монастыря находился армянский поселок, состоящий из 50 домов. На северной стороне располагались сад и огород. В конце XIX в. монастырю Сурб Хач принадлежала территория около 50 га, сдаваемая в аренду под пашню и огороды. В излучине р. Темерник находился парк, связанный с монастырем пешеходной дорожкой. Она пересекала речку по мосту и поднималась по каменной лестнице, выстроенной в 1862 г. Почитаемым местом для всех нахичеванцев был родник с капотажным зданием «Чорхах». В ограде монастыря были похоронены: Микаэл Налбандян, Рафаэл Патканян, епископ Кюрег Срапьянц, архимандриты Арутюн Аламдарян, Муше Данагезьян и др.

Армянские селения вокруг Нахичевани имели по одной церкви, кроме села Крым (Топти), где две церкви «обслуживали» выходцев из населенных пунктов Таврии: г. Старый Крым и с. Топлу (Топти)[8]. Кроме того, в с. Катеринаван, или Екатериновка (ныне с. Самбек Неклиновского района), имелась небольшая часовня.

Церковь Сурб Амбарцум (Св. Вознесения) села Чалтырь основана в 1790 г. Храм был построен из камня, а колокольня – из дерева. В 1863 г. решением епархиального совета в 1869 г. началось строительство новой церкви. Освящение состоялось в ноябре 1871 г. На месте разобранного старого здания была построена епархиальная

школа. Величественная крестово-купольная церковь Сурб Амбарцум с высокой четырехъярусной колокольней построена по проекту таганрогского архитектора Н. Муратова, который в 1840-е гг. выполнил пять проектов типовых храмов Нахичевани. По внешнему виду этой, к счастью, сохранившейся церкви можно судить о том, каким был собор Григора Лусаворича и некоторые другие разрушенные в советский период нахичеванские храмы[9].

Кроме того, в Чалтыре была одноэтажная часовня с колоколом, находившаяся в районе Золотой горы у родника Салых-Су, что в переводе с татарского языка означает Целебная вода или по-арм. – Бужакан джур. Внутри часовни были вырыты два колодца: один четырехгранной, другой – круглой формы, куда по желобу попадала вода из родника. Из колодцев вода также по желобу выходила наружу из часовни и дальше текла в виде ручейка. К роднику с часовней приходили паломники, больные, стремившиеся избавиться от недуга, и просто желавшие отдохнуть. Здесь регулярно устраивались народные гулянья и отмечались праздники. После разрушения часовни вода в роднике иссякла[10].

Жители с. Крым (Топти) до своего переселения на Дон в 70-е гг. XVIII в. проживали в одноименном селе Топти Крымского полуострова (ныне – с. Тополевка). В последнем сохранились следы армянских церквей Сурб Саргис и Сурб Урпат (св. Пятницы, полное название – Дня Всеспасительного Распятия Господня), относящиеся к XIV в.[11]. Переселенцы, обосновавшись на донской земле, в 1790 г. приступили к строительству церкви, названной Сурб Саргис (Св. Сергия), в память об оставленном в Таврии храме. В 1868 г. церковь капитально реконструировали.

С увеличением населения села Крым (в 1915 г. – 6516 чел.) возникла необходимость в строительстве второй церкви, получившей название Сурб Аменапркич (Св. Спасителя). В своем названии она также косвенно содержала память о церкви, оставленной на полуострове. Причем жители села Крым между собой называют эту церковь Топти[12]. Церковь Сурб Аменапркич, строившаяся на средства жителей села, была освящена в 1902 г.

Храм, построенный в стиле армянского зодчества, имеет форму крестово-купольной базилики. Здание отличается четкостью геометрического построения объемов. Широкие двери с трех сторон обеспечивали свободный выход верующих. В интерьере церкви выдержано нарастание внутреннего пространства от периметральных частей к центральной, подкупольной, подчеркивающей вертикальную ось здания. Это отразилось и на увеличении высоты внутри круглого, внешне 16-гранного барабана купола. Примерно такую же высоту, как и купол церкви имеет и пристроенная к ней квадратная по форме колокольня[13].

В 1904 г. при церкви Сурб Аменапркич было основано женское приходское училище. В здании, состоявшем из шести комнат, в 1912-1913 гг. обучалось 149 учениц. Мужское училище было основано в 1909 г. В 1910 г. в нем обучались 174 ученика. Оба училища существовали за счет церкви, платы родителей за учебу и пожертвований прихожан[14].

В центре с. Большие Салы расположена церковь Сурб Аствацацин (Св. Богородицы). Решение ее построить относится к 1848 г. Проекты этой и других армянских церквей были утверждены католикосом Нерсесом V (1843-1857) в середине 1850-х гг. Однако у сельчан возникли разногласия по вопросу выбора места для закладки фундамента. Только через двенадцать лет после всех согласований началось строительство церкви по проекту архитектора Муратова и на средства семьи Чебонянов. В 1867 г. храм освятил католикос Геворк IV (1866-1882).

Сурб Аствацацин возведен в стиле русского классицизма с той разницей, что перед северным и южным фасадами отсутствуют портики. Вместо выступающей на восточном фасаде алтарной апсиды устроены три экседры (полукруглые ниши), из которых средняя с окном служила алтарем. Крестовокупольное сооружение имеет несколько удлиненный западный рукав. Интерьер церкви был расписан фресками, не сохранившимися до наших дней. Колокольня своими размерами подчинена основному объему церкви, что придает куполу храма главенствующее значение во внешнем облике

сооружения. Грани барабанов куполов, внутри круглых, внешне восьмигранных, оканчиваются люнетами – арочным проемом в своде[15].

На куполах церкви с. Большие Салы с самого начала установили православные кресты. О.Х. Халпахчьян сообщает, что в чертежах и проектах четырех церквей (в селах Б. Салах, Несвитае, Султан-Салах и Сурб Геворк в г. Нахичевани), составленных архитектором Муратовым и одобренных католикосом Нерсесом, купола венчали кресты не армянские, а православные. Возможно, кресты были дорисованы после одобрения католикосом[16].

Дольше всех службу в церкви вел священник Григор Нор-Аревян, выпускник Эчмиадзинской духовной академии Геворгян. Его брат Лусеген, обучавшийся там же, преподавал армянский язык в женском училище. К своим однокурсникам приезжал поэт Аветик Исаакян. Героиня рассказа А.П. Чехова «Красавицы» – Марта венчалась в этой церкви.

Первая каменная церковь в с. Султан-Салы была построена в 1795 г. Однако к середине XIX в. здание церкви приобрело плачевное состояние, и поэтому местные жители начали сбор средств для строительства новой церкви по проекту Н. Муратова. В 1860-х гг. новая церковь, получившая название Сурб Геворк (Св. Георгия Победоносца), была построена. Она расположена на возвышенности рядом с дорогой, идущей от Чалтыря к Большим Салам. Внешний облик храма разительно отличался от других армянских храмов Дона. Крупный квадратный в плане зал церкви перекрыт низким куполом, увенчан небольшим световым барабаном. Эта форма храма оригинально сочеталась с высокой шатровой колокольней со звонницей, прямоугольным низким притвором, крупным полукружием апсиды. Сразу после окончания возведения храма рядом с ним было построено здание приходской школы. В 1892 г. к южному фасаду произведена пристройка, защищавшая главный вход в здание от непогоды. 28 октября 1896 г. купол здания пострадал от сильного урагана и был основательно отремонтирован[17].

В шести километрах от Больших Салов расположено село Несветай. На окраине села, над долиной реки Тузлов ныне возвышается полуразрушенная, но сохраняющая величие церковь Сурб Карапет (Св. Иоанна Предтечи). Храм был воздвигнут во второй половине XIX в. на собранные нахичеванцами средства. Позже была возведена колокольня. По названию храма село именовалось Сурб Карапети гехы –село Святого Карапета. Длинный центральный прямоугольный корпус церкви, широкий и круглый барабан с низким куполом, полукруглая апсида отвечали стилю классицизма[18].

После строительства церквей открывались приходские училища. Так, в с. Чалтырь при церкви Сурб Амбарцум в 1867 г. было открыто мужское училище, а в 1895 г. – женское; в с. Крым при церкви Сурб Саркис – в 1860 г., а при церкви Сурб Аменапркич – в 1908 и 1919 гг.; в с. Большие Салы при церкви Сурб Аствацацин – в 1860 и 1909 гг.; в с. Покр Сала (Султан Сала) при церкви Сурб Геворк – в 1867 г.; в с. Несвитай при церкви Сурб Карапет в 1860 г. открывается мужское, а в 1909 г. – женское училище. По данным за 1896 г., в приходском училище с. Чалтырь обучалось 287 учащихся, Топти – 162, Мец Сала – 193, Покр Сала – 94, Несвитай – 61 и Катеринована – 34. К 1913 г. количество училищ увеличилось. В каждом селе было уже по два-три приходских училища, а в Топти – четыре. Во всех этих учебных заведениях предметы преподавались на армянском языке[19].

С нахичеванской армянской колонией была тесно связана армянская община Таганрога, численность которой к концу XIX в. составляла около тысячи человек. Идея о строительстве церкви возникла у общины в 1895 г., однако ее осуществление откладывалось как ввиду материальных затруднений, так и из-за препятствий, чинимых местной властью. В ноябре 1897 г. вопрос о возведении храма окончательно решился, когда предприниматель Яков (Иаков) Михайлович Серебряков купил земельный участок у Каменной лестницы на Греческой улице. В мае 1900 г. состоялась закладка фундамента храма, рассчитанного на 700 человек. В начале

1906 г. церковь Сурб Акоб (Св. Иакова) была полностью построена, и 19 марта состоялось ее освящение. Названием церкви армянская община выразила признательность главному благотворителю. На освящении присутствовала вся армянская община, городские власти, общественные организации, многочисленная делегация из Нахичевани во главе с архиепископом Муше.

Церковь Сурб Акоб была построена в стиле крестово-купольных храмов Армении. Характерной ее особенностью являлись конусообразные купола над зданием и колокольни[20]. Летом 1906 г. после долгих обсуждений духовным пастырем прихожанами был избран и утвержден епархией выпускник Нахичеванской семинарии священник Иоанн Оксентьянц (Аксентьянц), ранее возглавлявший приход села Катеринован.

До гражданской войны и окончательного установления советской власти в начале 1920 г. богослужение в армянских церквах проводили духовные предводители, пользовавшиеся заслуженной любовью паствы. В их числе священники при сельских приходах: Ованес Кристостурян, Хачатур Тер-Багдасарян, Григор Бардахчан, Абгар Барашян (Чалтырь); Погос Тер-Абрамян, Даниэл Нахапетян (с. Крым), Арсен Домбаян, Григор Нор-Аревян, Саак Шорлуян (с. Большие Салы); Геворг Топалян (с. Султан Сала); Саркис Мартиросян, Григор Акопян (с. Несвитай); Иоанн Оксентьянц (Несвитай, Таганрог) и др.[21]. В городских церквах службу вели священники Саркис Воскерян, Геворк Келле-Шагинян и Рубен Бегульянц (кафедральный собор); Мартирос Ганцапетян и Погос Беделян (церковь Сурб Никогос); Минас Хумашьян и Погос Беделян (Сурб Аствацацин); Тер-Акопян и Карапет Гекимян (Сурб Геворк); Нерсес Торосян (Сурб Торос); Петрос Чолахян и Хачатур Бугаян (Сурб Амбарцум); Николай Кистостурян (Сурб Карапет); архимандрит Муше Данагезян в монастыре Сурб Хач[22].

Гражданская война принесла разорение армянским селам Дона, хотя правительство Деникина не притесняло ААЦ.

В годы Первой мировой и разворачивавшейся гражданской войны в структуре ААЦ в России произошли изменения. Из

Астраханской епархии к 1917 г. выделилась Северо-Кавказская епископская епархия, руководившая приходами Северного Кавказа. Здесь имелось 25 общин, 12 церквей и 60 тыс. прихожан. Поскольку Бессарабская губерния по результатам мировой войны отошла к Румынии, Ново-Нахичеванская епископская епархия теперь реально охватывала только Донскую область, Крым и Приазовье. Епархия имела 40 общин, 60 тыс. прихожан и 34 церкви[23].

Первая мировая война внесла изменения в территориальную организацию Ново-Нахичеванской и Бессарабской епархии. Поскольку Бессарабская губерния по результатам войны отошла к Румынии, территориально урезанная Ново-Нахичеванская епископская епархия теперь охватывала только Донскую область, Крым и Приазовье. Епархия имела 40 общин, 60 тыс. прихожан и 34 церкви[24]. Больше половины прихожан этой епархии проживало в г. Нахичевани-на-Дону и в окрестных селах. Кроме того, в регионе имелись небольшие группы армян-униатов, относившихся к Армянской католической церкви.

Последним «досоветским» руководителем епархии был архиепископ Нерсес Худовердян (1897-1918). В марте 1919 г. указом католикоса Геворга V Тифлисеци (занимал патриарший престол в 1912-1930 гг.), временным управляющим епархии был назначен архимандрит Муше Данагезьян (умер в 1922 г.). Муше Данагезьян с конца XIX в. являлся викарием в монастыре Сурб Хач, одновременно занимая должности председателя Попечительского совета Нахичеванской духовной семинарии и Нахичеванского армянского благотворительного общества. За открытое неповиновение проводимой царизмом политике Муше был в административном порядке выслан из Нахичевани. Летом 1915 г. вернулся в Нахичевань из Эчмиадзина на должность настоятеля монастыря Сурб Хач. После своего назначения временным управляющим епархией архимандрит Муше обратился с ходатайством к Эчмиадзинскому Синоду об учреждении в Нахичевани духовной консистории. Его обращение поддержал заведующий отделом исповеданий при Главнокомандующем

Добровольческой армией[25].

После Муше, вплоть до середины 1920-х гг., пост главы епархии оставался вакантным. По всей видимости, в данный отрезок времени эти обязанности исполнял председатель церковного совета собора, имевший титул протоиерея. До середины 1920-х гг. им был Геворг Никогосович Келле-Шагиньян (умер в 1927 г.).

Период гражданской войны принес разорение армянским селам Дона и Северного Кавказа. Впрочем, правительство Деникина не закрывало храмы и не притесняло духовенство.

Таким образом, накануне великих потрясений, начавшихся в годы Первой мировой войны, несмотря на достаточно жесткую конфессиональную политику царских властей, на Дону и Северном Кавказе сложились достаточно крупные приходы ААЦ, имевшие десятки культовых сооружений, приходские образовательные учреждения, монастырь, обслуживавшиеся двумя епархиями с центрами в городах Нахичевань-на-Дону и Астрахань, и достаточно многочисленное духовенство.

Глава II. Политика советской власти в отношении приходов ААЦ на Юге России в 1920-е годы

2.1. Особенности конфессиональной политики советской власти в период «религиозного нэпа»

Религиозные общины России и их руководящие органы октябрьский переворот 1917 г. вначале приняли без сопротивления и даже сдержанно его приветствовали, надеясь на продолжение демократического процесса, начатого после февральской революции. Действительно, после прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. принятые ими законодательные акты имели двойственный характер. С одной стороны, в «Декларации прав народов России», а затем и в Конституции РСФСР 1918 г. предусматривалась отмена всяких национально-религиозных привилегий и ограничений, с другой стороны, в ст. 65 Конституции духовные служители лишались избирательных прав. То же самое можно говорить и о декрете «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятом 20 января (2 февраля) 1918 г. и опубликованном под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[1].

Провозглашая отмену любых ограничений и привилегий по религиозному признаку, декларируя общедемократические принципы свободы вероисповедания и правового равенства религий, декрет вместе с тем вводил ряд ограничений в деятельности религиозных объединений. Отныне все церковные и религиозные организации лишались права владеть собственностью и выступать в качестве юридического лица. Церковь полностью теряла контроль над процессом воспитания молодежи. Преподавание вероучений во всех общеобразовательных учебных заведениях не допускалось[2].

Так как власть большевиков на Юге России продержалась несколько месяцев после периода «триумфального шествия советской власти» и основательно утвердилась только в начале 1920 г., религиозные организации не успели в тот период в полной мере

почувствовать политику «красноармейской атаки» на религию.

Поражение белого движения и окончательное установление советской власти на Дону и Северном Кавказе в начале 1920 г. позволило большевикам приступить к реализации в регионе законодательных актов в отношении религиозных организаций. Эта политика началась с регистрации религиозных общин, их храмов и другого имущества.

Конфискация церковного имущества вызвала возмущение верующих, что грозило преумножить и без того сильные антисоветские настроения, особенно в казачьих и ряде национальных регионов Северного Кавказа. Тем более, что и в масштабах всей страны попытка советской власти вытеснить религиозные организации одной красноармейской атакой периода «военного коммунизма» оказалась безуспешной. Глубочайший экономический кризис, желание установить дипломатические отношения со странами Запада, обострившиеся отношения с крестьянством на рубеже 1920-1921 гг. требовали от властей достижения некоего компромисса в отношениях с конфессиональными объединениями.

Более либеральная политическая линия партийных органов по отношению к религии была сформулирована в резолюции майского (18 мая 1921 г.) пленума ЦК РКП(б) «По вопросу о нарушениях пункта 13 Программы и о постановке антирелигиозной пропаганды», в «Директивах ЦК советским и партийным организациям об отношении к сектам и политике в отношении религиозных групп вообще» (22 июня 1921 г.), циркуляре ЦК РКП(б) «О постановке антирелигиозной пропаганды» (4 февраля 1922 г.) и др.[3]. В этих и других документах подчеркивалось, что в условиях нэпа требовалось привести формы и методы антирелигиозной пропаганды в соответствие с проводимой экономической политикой, направленной на укрепление союза пролетариата с крестьянством[4].

В то же время «нэповский» курс (точнее, тактика) во взаимоотношениях государства с религиозными организациями подвергся испытаниям в период голода 1921-1922 гг. Советское правительство для приобретения продовольствия на Западе

предполагало сосредоточить в Москве все изделия из драгоценных металлов, валюту, художественные и иные ценности. В первую очередь это касалось церковных ценностей[5].

Другая тенденция в отношении всех конфессий «с легкой руки» главного руководителя советской антирелигиозной политики председателя Союза воинствующих безбожников Емельяна Ярославского получила название «религиозный нэп»[6]. Под последним понимался отказ от использования «военно-коммунистических» методов в преодолении религии.

Жесткие меры, применявшиеся местными властями в отношении верующих, вызывали в 1923 г. их массовое недовольство. ЦК РКП(б) на XII партсъезде (17-25 апреля 1923 г.) осудил «грубые приемы, часто практикуемые в центре и на местах, издевательства над предметами веры и культа», которые «не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся от религиозных предрассудков», и потребовал раз и навсегда «пресечь комсомольские увлечения по части закрытия церквей» и «левые загибы отдельных партийных товарищей»[7].

В циркуляре Антирелигиозной комиссии ЦК, Политбюро и Оргбюро «Об отношении к религиозным организациям» (16 августа 1923 г.), написанном Сталиным, указывалось, что в антирелигиозной работе последнего времени были допущены ошибки, нанесшие «неисчислимый вред советской власти» и «срывающие достижения партии в отношении разложения церкви»[8]. ЦК констатировал, что эти действия подрывают престиж советской власти и усиливают позиции ее врагов. ЦК запретил закрывать церкви без согласия подавляющего большинства верующих. Осуждалась практика проведения голосования по вопросу о закрытии храмов на совместных собраниях верующих и неверующих либо верующих различных религий. Указывалось на недопустимость изъятия единственного церковного сооружения в данной местности для определенной конфессии.

Принципиального характера положения, касавшиеся особенностей ведения антирелигиозной пропаганды среди народов СССР, были сформулированы в постановлении Оргбюро ЦК от 15

декабря 1924 г. и резолюциях Антирелигиозного совещания при АПО ЦК ВКП(б), созванного в апреле 1926 г.[9].

ЦК ВКП(б) потребовал придать антирелигиозной работе интернациональный характер, чтобы ни один народ не мог усмотреть в действиях партийных и советских органов стремления задеть именно его (этого народа) национальное достоинство, а также с тем, чтобы устранить бытующие в массах представления о привилегированном, по сравнению с РПЦ, положении неправославных конфессий. Подчеркивалась важность учета этноконфессиональных особенностей различных народов, недопущения механического копирования и шаблонного переноса в национальные регионы форм пропаганды и агитации, применявшихся ранее в православной среде. ЦК советовал крайне осмотрительно вести антирелигиозную работу в школе[10]. Совещание признало необходимым активнее «пропагандировать отличие нации и религии», разводя в сознании верующих эти понятия[11]. Антирелигиозная комиссия 11 ноября 1925 г. поручила ОГПУ воспрепятствовать намерениям представителям ряда конфессий пойти по пути создания национальных религиозных организаций, что придало бы религии патриотическую окраску[12].

В целом следует признать, что в самые либеральные годы нэпа (середина 20-х гг.) в деятельности религиозных организаций разных конфессий наступило некоторое оживление. В ряде мест отобранные у общин культовые сооружения были возвращены прихожанам на правах аренды.

Однако эта либерализация религиозной жизни в стране лишь незначительно повлияла на положение южнороссийских приходов ААЦ. В отношении ААЦ, как в период нэпа, так и в последующие советские десятилетия, конфессиональная политика осуществлялась одновременно по следующим направлениям: проводилась масштабная антирелигиозная пропаганда среди армянского населения, культивировалось нетерпимое отношение к ААЦ и ее духовенству; закрывались приходские образовательные учреждения; под предлогом борьбы с голодом изымалось церковное

имущество; закрывались, а в последующем разрушались культовые сооружения; осуществлялись репрессии против духовенства и прихожан; ограничивалась деятельность, а затем и совсем ликвидировались епархии ААЦ и др.

Признавая национальную культуру только по форме, большевики искореняли в ней национальное содержание. А таким содержанием применительно к армянскому народу выступали национальная школа и христианская вера, которую символизировала ААЦ. Советская власть развернула массированное наступление против религии вообще, пропагандируя воинствующий атеизм. Ведь даже в нэповский период одно пребывание во дворе церкви советского служащего или студента (не говоря уже о члене партии) считалось недопустимым и рассматривалось как нелояльное отношение к государству со всеми вытекающими последствиями. Священнослужителей, избежавших молох гражданской войны, лишали гражданских прав, их не допускали к выборам в местные советы. Таких людей тогда унизительно называли «лишенцы», то есть лишенные избирательных прав, пусть даже эти права и были формальными.

Таким образом, в 1920-е гг. в условиях относительной экономической и политической стабилизации конфессионная политика государства приобрела более «либеральный» характер («религиозный нэп»). Но и на этом этапе, продолжавшемся до 1928 г., имели место многочисленные факты администрирования, нарушения советского законодательства со стороны местных властей. Естественно, что они осуществлялись с молчаливого согласия Центра.

2.2. Политика партийных и советских органов Дона в отношении религиозных организаций Ново-Нахичеванской епархии ААЦ в 1920-е годы

Донская область стала первой территорией на Юге России, где в январе 1920 г. окончательно установилась советская власть. Здесь впервые приступили к реализации конфессиональной политики большевиков, которая вскоре будет осуществляться по всему Югу России.

Областные власти по указанию из Центра развернули наступление против различных конфессий. Одним из первых актов новой власти в отношении духовенства и верующих ААЦ стало закрытие монастыря Сурб Хач и Нахичеванской духовной семинарии, которую возглавлял протоиерей кафедрального собора Рубен Варфоломеевич Бекгулянц.

Р.Ф. Бекгульянц (1875-1935) родился в семье священника ставропольской армянской церкви Сурб Григор Лусаворич Варфоломея Матвеевича Бек-Гулянца. Тер-Варфоломей мужественно отстаивал интересы церкви и приходского училища, защищая от давления со стороны царского правительства[1]. После окончания юридического факультета Московского университета и получения степени кандидата права, Рубен Бекгульянц посвятил себя духовной службе. В 1900 г. в Самарканде он основал церковь Сурб Аствацицин, а затем подвергся аресту, заключению и высылке. В 1911 г. был избран прихожанами на должность третьего священника нахичеванского кафедрального собора. Несмотря на возникшие сложности, он отстоял свое законное право и был зачислен священником собора, а вскоре получил сан протоиерея. В ноябре 1932 г. Рубен Бекгульянц в числе других делегатов-выборщиков участвовал в работе Национального церковного собора, на котором был избран католикос Хорен I Мурадбекян[2].

Имущество закрытого монастыря Сурб Хач было разграблено, а святыни подверглись осквернению. Поэтому глава Ново-Нахичеванской епархии (викариата) архимандрит Муше 20 июня

1921 г. написал в комиссию по вопросу отделения церкви от государства при Донском юридическом отделе: «Все помещения были заняты разными организациями. Ограда монастыря превращена в скотный двор, по нему ходили лошади, свиньи, козы, домашняя птица. Почти весь хозяйственный инвентарь и мебель монастыря расхищены. Церковь превращена в склад разной рухляди»[3]. Естественно это его обращение, как и все другие, остались без ответа. На подворье монастыря разместили детский дом. В ведении прихода ААЦ оставалась только монастырская церковь, где в 20-е гг. нерегулярно проводилась служба.

В 1921 г. почти во всех армянских селах после пасхальных праздников у церкви отобрали не только подаренное прихожанами зерно, но и испеченные калачи. Заведующий отделом управления с. Крым 5 марта 1921 г. издал приказ: «Впредь, без моего распоряжения, не крестить, не венчать, не хоронить, за исполнением сего будете привлечены суду военного времени»[4]. Аналогичный приказ был издан в Чалтыре и в других армянских селах. За неисполнение решений новой власти священники Тер-Абрамян (с. Крым) и Тер-Багдасарян (с. Чалтырь) предстали перед судом и были осуждены на неопределенный срок. В январе 1921 г. дьяконы этих сел были привлечены к общественным работам. В с. Большие Салы в список лиц, обязанных явиться на общественные работы, были включены и священники. Чтобы избежать огласки творимого произвола, представители власти в селах Чалтырь и Крым приняли постановление, запрещающее встречи с руководством епархии. Священники, нарушившие этот запрет, привлекались к суду[5].

Охвативший значительные районы страны голод 1922 г. советское государство использовало в качестве повода для «экспроприации» церковных ценностей и развертывания антирелигиозной политики[6].

Голод распространился и на ряд регионов Дона и Северного Кавказа. Так, окружком РКП(б) 1-го Донского округа в марте 1922 г. сообщал о сложившейся обстановке на своей территории: «Голод, прогрессирующий с каждой неделей и днем, охватывающий все

больше районов и принявший на левобережной стороне Дона размеры Поволжья, грозит серьезными последствиями. Учащаются случаи людоедства и трупоедства, стихийно уничтожается рабочий скот – ввиду отсутствия урожая и продовольствия»[7].

Впервые вопрос об изъятии церковных ценностей в Донской области рассматривался на заседании бюро Донского областного комитета РКП(б) 5 марта 1922 г. По указанию ЦК Донком постановил «усилить работу отдела агитации и пропаганды в направлении подготовки к проведению кампании»[8]. В течение пяти дней представителями созданной 4 марта 1922 г. при Донисполкоме комиссии по изъятию церковных ценностей под председательством А.И. Муралова были проведены переговоры с духовенством «о конфискации церковного имущества»[9].

Однако во второй половине марта процесс изъятия ценностей был приостановлен в связи с событиями произошедшими 15 марта 1922 г. в Шуе[10]. В отчете Ростовского окружкома РКП(б) за март 1922 г. говорилось: «Политическое настроение крестьянских масс по отношению к Советской власти, в общем благоприятное, но по отношению к компартии напряженное, в некоторых местах особенно пораженных голодом. …В округе голодает около 1500 взрослого сельского населения и 10 913 детей. Изъятия церковных ценностей не производилось, согласно секретному распоряжению областной комиссии о приостановке такового. В связи с кампанией об изъятии замечаются незначительные “брожения умов”, под влиянием кулачества и духовенства, ряд проведенных широких митингов показал, что в общем масса, в особенности беднота, к изъятию относится сочувственно»[11].

Сопротивление, оказанное населением при изъятии церковных ценностей, заставило Центр обратить особое внимание на организацию подготовительных мероприятий, направленных на дискредитацию духовенства.

Однако в начале апреля 1922 г. возобновилась усиленная агиткампания, совпавшая по срокам с проведением двухнедельника помощи голодающим[12].

В региональной печати регулярно сообщалось о ходе изъятия церковных ценностей. Вот только несколько сообщений. В ежедневной газете Донкома РКП(б) и Донисполкома «Трудовой Дон» от 18 мая сообщалось: «13 мая комиссия производила изъятие ценностей из церкви Григория Просветителя в Нахичевани. Всего изъято серебра 9 пудов 27 фунтов 13 зол. 36 дол., золота – 3 зол. 24 дол., рубина 44 шт., алмазов 23 шт., изумрудов 27 шт. и 2 украшения, обшитых мелким жемчугом»[13]. В том же номере в информации под названием «В Армянском монастыре» комиссия рапортовала об изъятии серебра, 28 фунтов 48 золотников[14]. Заметим, что в соответствии с «Положением о мерах и весах 1899 года» 1 фунт равнялся 0,4 кг, следовательно, 1 золотник равнялся $^{1}/_{96}$ фунта или приблизительно 4,3 г.

В указанное время из церкви Сурб Акоб г. Таганрога изъяли пять икон с окладом из серебра, крест и лампадки 84-й пробы[15]. Но и после этого разграбление церквей продолжалось.

К 19 мая 1922 г. Доноблфинотдел только по Ростову и Нахичевани принял: золота – 1 фунт 30 зол. 58 дол., серебра – 158 пудов 33 фун., множество бриллиантов и алмазов без оправы и в оправе и т.д.[16]. Но и после этого ограбление церквей (отнюдь не в помощь голодающим) продолжалось.

В настоящее время трудно подсчитать реальное количество ценностей, изъятых из армянских церквей. Во-первых, официальные данные не соответствовали реальным цифрам, а во-вторых, в исторической литературе описаны многочисленные факты хищения совслужащими изъятых ценностей.

Одновременно с изъятием церковных ценностей и имущества власти осуществляли кампанию по дискредитации духовенства, в первую очередь тех, кто пытался воспрепятствовать грабежу имущества, принадлежащего приходам ААЦ.

В заметке газеты «Трудовой Дон» сообщалось, что управляющим архиереем Муше (Мушэ) Данагезьяном подано в комиссию по изъятию церковных ценностей заявление, в котором указывается, что «церковное имущество как движимое, так и

недвижимое является достоянием всего армянского народа, живущего не только в Ростове и Нахичевани-на-Дону, но и во всем мире, а не отдельных церквей, и посему распоряжаться этим имуществом отдельные церкви не имеют права. Высшее заведывание армянскими церквами и религиозными делами принадлежит верховному католикосу всех армянских церквей, без ведома которого никто не может отчуждать церковных ценностей». «Многие вещи, – указывается в заявлении, – присланы из Эчмиадзина, Крыма и других мест и потому не принадлежат армянским церквам Нахичевани-на-Дону. Изъятие затрагивает не только юридическое, но и религиозное воззрение верующих. По каноническим правилам, – добавляет автор заявления, – кресты, чаши и дарохранительницы находятся в армянских церквах, освящены особым миром и к ним, за исключением священных лиц, никто прикасаться не может». Несмотря на это заявление архимандрита, в официальном органе донских властей сообщалось: «Комиссия постановила ценности армянских церквей в Нахичевани изъять, а заявление Мушэ направить для рассмотрения в центр»[17].

Не получив никакого ответа, архимандрит вскоре подал повторное заявление в комиссию, в котором кроме отмеченных обстоятельств сообщал, что «в момент изъятия не только не соблюдается самых элементарнейших требований осторожного отношения к религиозным чувствам, но и допускается святотатство, выражающееся в том, что члены комиссии относятся недостаточно чутко к религиозному культу армянских церквей»[18]. Ответом на эти заявления архимандрита стала статья в газете под названием «Веселая вдова». Анонимный автор в бравурном тоне писал: «Протесты гр. Мушэ оказались не напрасны. В армянской церкви Георгия Победоносца сотрудниками ДПО после осмотра этой церкви была обнаружена граммофонная пластинка из оперетты “Веселая вдова”, а в канцелярии, находящейся в самой церкви, – рисунок, принадлежащий священнику Тер-Акопьянцу – изображающий голую женщину. Комментарии, как говорят, излишни»[19].

С высоты сегодняшнего дня этот материал характеризовал низкий культурный уровень самой власти, а не нравственный уровень образованного духовенства. Против престарелого священнослужителя развернулась травля. Вскоре любимого паствой архимандрита Муше не стало. В 1922 г. он был похоронен в ограде монастыря Сурб Хач.

Член Донкома РКП(б), председатель Донского совнархоза А.И. Муралов рапортовал в Центр: «Беспартийные представители от предприятий, наглядно убеждаясь в злоупотреблении попов, втягиваются в дело изъятия церковных ценностей все больше и больше и идут гораздо дальше самой комиссии»[20]. В следующем своем сообщении Муралов заявлял: «Раскол между духовенством усиливается, обнаружены кражи ценностей священниками. Произведены аресты священников, и вскоре они предстанут перед судом Ревтрибунала»[21]. Духовенство пыталось спасти наиболее значимые реликвии, что трактовалось властями как хищение в свою пользу.

В июне 1922 г. в основном завершился процесс изъятия церковных ценностей по Донской области, но давление на религиозные организации продолжалось. В отношении ААЦ, так же как и других религиозных организаций, оно ослабевает к середине 1920-х гг. – наиболее либеральный период нэпа. Конечно, речь шла о смене тактики, а не стратегии.

О смягчении курса было заявлено краевым руководством. На заседании бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б) по докладам первого секретаря крайкома А.И. Микояна и председателя крайисполкома Н.Б. Эйсмонта, которые в конце 1924 г. и начале 1925 г. объехали большинство районов края, было принято решение, в котором, в частности, признавалось опасным «увлечение начавшимся массовым закрытием церквей и превращение их в клубы, т.к. такие меры не могли ослабить религиозных настроений, а еще усилить [их] особенно в национальных районах»[22].

Краевое партийное бюро предписывало местным парторганизациям проявлять осторожность даже к верующим в

партийной среде, так, как отмечалось в постановлении бюро от 27 октября 1925 г., «изжитие религиозных предрассудков в крестьянской среде не может быть достигнуто сразу, особенно в национальных областях – низкий культурный уровень среды, отсталость, отсутствие культурных сил, влияние духовенства. Все это надо было учитывать при проведении проверки ячеек... Подходя беспристрастно к каждому отдельному случаю, взыскания их должны налагаться лишь в том случае, когда совершение проступка является признаком разложения члена партии или когда партиец не хочет отказываться от отсталых обычаев и привычек, идет в разрез с общественным мнением трудящихся масс, становится в явное противоречие с проводимой парторганизацией линией в данном вопросе и исключение его является безусловно необходимой и единственно возможной мерой»[23].

Крайисполком разослал на места, а затем и опубликовал в своем официальном органе постановление ЦИК СССР от 6 апреля 1925 г. «О категории лиц, лишенных избирательных прав». В соответствии с документом ЦИК СССР предложил республиканским ЦИКам «преподать» местным исполкомам к неуклонному исполнению следующие установки, касающиеся отношение к духовенству: «Служители при храмах и домах культа – певчие, церковные сторожа, органисты, члены приходских советов и т.п. – не должны по этим только основаниям лишаться избирательных прав, а также псаломщики, канторы, муэдзины, причем для последних это занятие не должно являться основной профессией. В месячный срок предложить исполнительным комитетам через избирательные комиссии пересмотреть списки лиц, лишенных избирательных прав на основании расширительного толкования существующих узаконений, и, в частности, пересмотреть вопрос о лишении избирательных прав лиц, отнесенных к таковым лишь на основании наложения на них налога взамен выполнения обязанностей сельских исполнителей»[24].

В то же время основной упор в борьбе с религиозными организациями предлагалось делать на антирелигиозную

пропаганду и воспитание учащихся школ в духе атеизма.

Осенью 1924 г. Донской Совнацмен получил разработанный Советом по просвещению национальностей не русского языка при коллегии Наркомпроса циркуляр от 29 октября 1924 г. В разделе «Об основных моментах работы среди национальностей не русского языка в 1924/25 уч. году» говорилось: «Закончить изъятие из национальных библиотек старой схоластической, религиозной и антисоветской литературы»[25].

Это смягчение в отношении ААЦ в первую очередь выразилось в фактическом восстановлении после продолжительного перерыва поста главы Ново-Нахичеванской епархии. В 1925 г. епархию возглавил выдающийся религиозный деятель и ученый архиепископ Гарегин Овсепян (1867-1952). Архиепископ Гарегин Овсепян родился 17 декабря 1867 г. в арцахском селе Магавуз Елизаветпольской губернии (ныне – Мартакертский район НКР). После окончания Шушинской духовной школы обучался (с 1882 г.) в семинарии Геворгян Эчмиадзина, а затем (с 1892 г.) в университетах Лейпцига, Галле и Берлина, где изучал богословие, философию и историю. В 1897 г., вернувшись из Германии, стал преподавать в Эчмиадзинской семинарии богословие и библиографию. В начале XX в. возглавлял Грузинскую епархию ААЦ (1900-1901), работал инспектором Ереванской епархиальной школы, редактировал журнал «Арарат» (Св. Эчмиадзин), являлся настоятелем монастыря Св. Рипсиме и др.

В 1909-1912 гг. Г. Овсепян вместе с Н. Марром участвовал в раскопках Гарни и Ани, был избран действительным членом Петербургского Кайзеровского общества, Кавказского отделения Московского и Петербургского императорских этнографических обществ, председателем комитета защиты памятников старины Армении. Его перу принадлежат сочинения по истории, филологии, древнему и средневековому армянскому искусству. Ученый-богослов принимал участие в расшифровке урартской клинописи. Во время Первой мировой войны являлся членом Комитета братской помощи, вел большую работу по приему и размещению беженцев. В

1918 г., во время турецкой агрессии против Восточной Армении, принял участие в организации отпора врагу в Сардарапатском сражении. Вел преподавательскую и научную работу в Армении. Вместе с зодчим Александром Таманяном участвовал в создании Комитета охраны памятников Армянской ССР. В 1925 г. стал архиепископом и был назначен духовным предводителем донских и крымских приходов ААЦ, а фактически (с 1927 г.) возглавлял все приходы ААЦ в России. Во главе Ново-Нахичеванской епархии архиепископ Овсепян находился до начала 30-х гг. Впоследствии архиепископ Гарегин возглавил епархию ААЦ в США (с 1938 г.), а в 1943 г. был избран католикосом Киликии под именем Гарегин I (1943-1952). В период Второй мировой войны содействовал сбору средств в армянской диаспоре в помощь советской армии. В 1946 г. поддержал репатриацию зарубежных армян в Советскую Армению[26].

В годы нэпа продолжались преследования духовенства, изъятие церковного имущества. Так, в 1924 г. по обвинению в «контрреволюционной деятельности» в Нахичевани-на-Дону были арестованы священники Хачатур Акопович Бугоян и Карапет Ованесович Гекимьянц. Правда, через две недели они были отпущены в связи с отсутствием доказательств в выдвинутых обвинениях[27]. Под подозрением постоянно находился священник Минас Хачатурович Хумашьянц (1861-1938), которого арестовали первым в начале периода «великого перелома». Священник Минас, родом из Чалтыря, был одним из самых образованных священнослужителей Дона. Он являлся выпускником Эчмиадзинской духовной академии. Его перу принадлежит исследование «История церкви св. Вознесения» (Нахичевань, 1917), написанное на древнеармянском языке (грабаре). Многим нахичеванцам Тер-Минас был хорошо известен как добрый и отзывчивый пастырь.

В период нэпа духовенство по-прежнему не пользовалось гражданскими правами, в частности избирательными. Исключение составляли «бывшие» священнослужители. Так, на заседании бюро

Мясниковского района от 4 июля 1927 г., рассмотревшем предложенный райисполкомом проект дополнений и изменений ст. 16 Инструкции ВЦИКа «О выборах в Советы», принято решение: «Не могут быть лишены избирательных прав ... служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков (за исключением монахов, священников и лиц других наименований, исполняющих соответствующие перечисленные обязанности), оставившие добровольно свою службу до 1917 г. и с указанного времени занимающиеся общественно-полезным трудом и доказавшие свою лояльность по отношению к соввласти»[28]. Естественно, что решение районных властей повторяло указания вышестоящих органов.

Таким образом, несмотря на либеральный характер проводимой экономической политики в 20-х гг. на Дону в отношении приходов ААЦ происходило массированное наступление против религии. Все приходские училища были закрыты, а их здания конфискованы. То же самое происходило с городскими храмами. В государственных учебных заведениях пропагандировался воинствующий атеизм. Священнослужителей лишали гражданских прав, их не допускали к выборам в местные советы. Они всеми способами подвергались дискредитации. Имели место многочисленные факты администрирования, нарушения советского законодательства со стороны местных властей в отношении духовенства и активных членов прихода.

2.3. Особенности политики советской власти в отношении приходов Северо-Кавказской епархии ААЦ в годы нэпа

«Религиозный нэп» на территории, опекаемой Северо-Кавказской и Астраханской епархией ААЦ с центром в Армавире, характеризовался целенаправленным наступлением на церковные приходы. Деятельность епархии была парализована, и она фактически прекратила свое существование.

Конфессиональную политику властей в 1920-е гг. в отношении ААЦ на Северном Кавказе можно наглядно проследить на примере прихода и церкви Сурб Григор Лусаворич г. Ставрополя.

Сразу же после установления советской власти в Ставропольской губернии партийно-советское руководство приступило к реализации актов, связанных с отделением церкви от государства и реквизиции церковного имущества, объявленного «народным достоянием»[1]. В 1921 г. были опубликованы нормативные акты «Об изъятии из церквей метрических книг за 1917, 1918, 1919 и часть 1920 г. по день открытия волисполкомов»[2] и о запрещении приема на работу в учреждения служителей религиозного культа[3].

В период голода Ставропольский губисполком образовал Комиссию по изъятию церковных ценностей. Их реквизицию власти объясняли постановлением ВЦИК от 25 февраля 1922 г. и постановлением Ставропольского губисполкома от 26 марта. В них было сказано: «Принимая во внимание тяжесть положения Республики постигшим стихийным бедствием неурожая, необходима срочная мобилизация всех ресурсов страны, которые могут послужить средством борьбы с голодом, а также для обременения голодающих губерний». Волисполкомам было приказано принять все меры к изъятию ценностей из храмов всех вероисповеданий, начав работу с 6 апреля, окончить таковую к 25 апреля 1922 года[4].

Армянская церковь Ставрополя вынуждена была подчиниться политике изъятия ценностей, что видно из протокола объединенного

заседания городской комиссии по изъятию церковных ценностей в фонд помощи голодающим совместно с городским духовенством всех вероисповеданий и выборным от обществ верующих от 4 апреля 1922 года. Как и в других регионах страны, епархия посоветовала настоятелю церкви Сурб Григор Лусаворич своевременно провести работу по изъятию ценностей и помимо этого провести кружечный сбор в церкви накануне и в период празднования Пасхи, а также собрать деньги в пользу голодающих. За эту «инициативу» от имени Комиссии была выражена благодарность настоятелю армянской церкви[5].

Председатель Комиссии Малянц 7 апреля 1922 г. подписал протокол об изъятии ценностей в армянской церкви. В списке значились: чаша 142 золотника, крест 50 зол., крест 30 зол., кадило 224 зол., лампад 339 зол., риза с иконы 142 зол., украшения с икон 15 зол., ризы с икон 22 зол., «крышка сломанная» 26 зол... Всего 23 предмета. Общий вес серебра 31 фунт 77 золотников. Там же сообщалось, что по заявлению священника Бек-Гулянца (Бекгулянца), рукописное Евангелие подлежит отсылке в Эчмиадзинский музей[6]. Но на этом не завершился процесс ограбления церкви. Осталось неизвестно, сколько всего было изъято ценностей, так как часть их оказалась неучтенной.

«Добровольная» сдача ценностей облегчила прохождение процедуры регистрации церкви. В отдел управления Ставропольского губисполкома 29 июня 1923 г. поступило заявление за подписью 178 прихожан, в котором было сказано, что по уполномочию членов «Ставропольского Религиозного общества христиан Восточно-Кафолической[7] церкви Армяно-Григорианского исповедания», на основании п. 4 инструкции о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых, объявленной в «Известиях ВЦИК» от 27 апреля 1923 г., поступили все необходимые документы (заявление; Устав общества; списки членов общества, исполнительного органа, священников и других церковнослужителей), с просьбой зарегистрировать указанное в Уставе религиозное общество. На этом заявлении

начертана резолюция с неразборчивой подписью: «Требования инструкции 27 апреля 1923 года соблюдены. Устав соответствует таковому и согласно 6-й статьи означенной инструкции подлежит утверждению»[8].

Приведем полностью Устав, состоящий из шести разделов (отделов) и 12 пунктов. Это важно в силу того, что содержание документа являлось типичным для всех приходов Северного Кавказа.

«Устав Ставропольского Религиозного Общества христиан Восточно-Кафолической церкви Армяно-Григорианского исповедания.

Отдел I. Задачи Общества. 1. Ставропольское Общество христиан Восточно-Кафолической Церкви Армяно-Григорианского исповедания г. Ставрополя имеет целью объединение граждан указанного культа в районе расположения г. Ставрополя на началах Единой Святой Соборной Апостольской Церкви. 2. С этой целью... общество: 1) устанавливает молитвенные собрания, 2) управляет имуществом по договорам от местных органов Советской власти, 3) заключает сделки частно-правового характера, связанные с управлением культовым имуществом, 4) участвует в съездах и собраниях религиозных обществ, 5) назначает служителей культа для совершения Богослужения, религиозных обрядов и таинств.

Отдел II. Состав Общества. 3. Членом общества... может быть каждый от 18 лет, принадлежащий названному культу. 4. Зачисление в члены общества производится общими собраниями членов общины открытым голосованием простым большинством голосов. 5. Выбытие из членов общины производится или по личному заявлению выбывающего, или по постановлению 2/3 наличного числа членов общины по спискам. 6. Списки членов общины ежегодно предоставляются в Отдел управления Ставропольского губисполкома.

Отдел III. Средства Общества. 7. Отдельные члены общины или его уполномоченные смогут собирать добровольные пожертвования для покрытия расходов, связанных с обладанием культового

имущества. Примечание: обязательных взносов на членов общества возложено быть не может.

Отдел IV. Управление делами Общества. 8. Все вопросы, возникающие в жизни общества, разрешаются на общих собраниях общества открытым голосованием простым большинством голосов, за исключением случаев, предусмотренных в п.п. 5 и 11 Устава общества: общее собрание общества происходит открыто. 9. Для выполнения своих постановлений, а также внешнего представительства, по мере встретившейся надобности, выделяет из своей среды уполномоченных, действующих в пределах представленных каждому полномочий (см. п. 2).

Отдел V. Порядок изменения Устава Общества. 10. Устав общества может быть изменен общим собранием общества по предложению его членов большинства 2/3 голосов с последующим утверждением Отдела управления или по предложению подлежащих органов государственной власти.

Отдел VI. Порядок закрытия Общества. 11. Общество может быть закрыто: по постановлению соответствующего губ. или облисполкома; вследствие ареста части членов общества; по постановлению общего собрания членов общества. 12. В случае закрытия общества все имущество, находящееся в пользовании общества, возвращается местному Совету по инвентарной описи специальными уполномоченными, избранными для сего ликвидационным собранием общества»[9].

В конце документа указывалось, что представление на утверждение Устава общество доверяет своим представителям К.Е. Бадурову и Л.А. Еромишьянцу. Под Уставом подписался 171 член общества.

Данные о религиозном обществе ААЦ в Ставрополе, в частности списки членов учредителей (178 человек), исполнительного органа и «служителей религиозного культа» содержались в секретном донесении от 27 ноября 1923 г. в ГПУ. В исполнительный орган религиозной общины ААЦ входили: Манучаров Исаак Гукасович (служащий), Манукянц Торос

Яковлевич (служащий), Еромишьянц Левон Артемович (ремесленник), Сахаров Иосиф Захарович (безработный). Служителями культа являлись: священник Бек-Гулянц Арутюн Варфоломеевич и его помощники (церковнослужители) Гулабиянц Оганес Погосович и Алтунянц Григор Иванович. Указывалось, что они проживали в «ограде церкви»[10].

Представляет также интерес договор городского религиозного общества ААЦ с полномочным представителем Ставропольского совета рабочих и красноармейских депутатов (всего 13 пунктов), подписанного в феврале 1924 г. В соответствии с ним обществу «передавалось в бессрочное, бесплатное пользование находящееся в г. Ставрополе на 2-й Ясеновской ул. здание Армянской церкви с богослужебными предметами» по особой описи, заверенной подписями группой граждан. Ниже приводится та часть документа, в которой общество брало на себя следующие обязательства: «1. Мы, нижеподписавшиеся граждане, обязуемся беречь переданное нам народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначению, принимая на себя всю ответственность за целость и сохранность врученного нам имущества, а также за соблюдение лежащих на нас по этому поводу иных обязанностей. 2. Здание храма с находящимися в нем богослужебными предметами мы обязуемся использовать и предоставлять в пользование всем нашим единоверцам исключительно для удовлетворения различных потребностей. 3. Мы обязуемся принять все меры к тому, чтобы врученное нам имущество не было использовано для целей, не соответствующих ст. 1 и 2 настоящего договора. В частности, в принятом нами в заведывание богослужебном помещении мы обязуемся не допускать: а) политических собраний, враждебных Советской власти; б) раздачи и продажи книг, брошюр, листков и посланий, направленных против Советской власти или ее представителей; в) произнесение проповедей и речей, враждебных Советской власти, или ее отдельным представителям; г) совершение набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Советской

власти, ввиду чего мы обязуемся подчиниться всем распоряжениям Местного Совета относительно распорядка пользования колоколами. 4. Мы обязуемся из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храма и находящихся в нем предметов, как: по ремонту, отоплению, страхованию, охранению, по оплате домов, налогов, местных обложений и т.д. 5. Мы обязуемся иметь у себя инвентарную опись всего богослужебного имущества, в которую должны входить все вновь поступающие (путем пожертвований, передачи из других храмов и т.д.) предметы религиозного культа, не представляющие частной собственности отдельных граждан. 6. Мы обязуемся допускать беспрепятственно, во внебогослужебное время, уполномоченных Совдепа лиц к периодической проверке и осмотру имущества. 7. За пропажу или порчу переданных нам предметов мы несем материальную ответственность солидарно в пределах ущерба, нанесенного имуществу. 8. Мы обязуемся в случае сдачи принятого нами имущества возвратить его в том самом виде, в каком оно было принято нами в пользование и на хранение. 9. В кладбищенских храмах и на кладбищах мы обязуемся сопровождать своих единоверцев, в случае желания заинтересованных лиц, религиозными обрядами, в смысле торжественности, одинаковыми для всех и за одинаковую для всех без исключения плату, размер которой должен быть нами ежегодно объявляем во всеобщее сведение»[11].

Заключительные пункты договора содержат последствия для общества в случае несоблюдения им вышеприведенных обязательств, так же как и способы досрочного прекращения договора. «За непринятие всех зависящих от нас мер к выполнению обязательств, вытекающих из сего соглашения или же за прямое его нарушение, мы подвергаемся уголовной ответственности по всей строгости революционных законов, причем соглашение это Совдепом может быть расторгнуто (п. 10). В случае желания нашего прекратить действие договора, мы обязаны довести о том письменно до сведения Совдепа, причем в течение недельного срока со дня

подачи Совдепу такого заявления, мы продолжаем оставаться обязанными этим договором и несем всю ответственность по его выполнению, а также обязуемся сдать в этот период времени временно принятое нами имущество (п. 11). Каждый из нас, подписавший договор, может выбыть из числа участников договора, подав о том письменное заявление Совдепу, что, однако, не избавляет выбывшее лицо от ответственности за весь ущерб народному достоянию в период участия выбывшего в пользовании и управлении имуществом до подачи Совдепу соответствующего заявления (п. 12)[12].

В последнем пункте договора община брала на себя следующее обязательство: «Никто из нас и мы все вместе не имеем права отказать кому бы то ни было из граждан, принадлежащих к нашему вероисповеданию и не омраченных по суду, подписать позднее сего числа настоящее соглашение и принять участие в управлении упомянутым в сем соглашении имуществом на общих основаниях со всеми его подписавшими» (п. 13)[13].

Документ завершался указанием на то, что подписанный договор передается на хранение в административный отдел Ставропольского губисполкома, а засвидетельствованная копия с него выдается группе граждан, подписавшихся под ними (всего 48 подписей) и получивших по описи в пользование богослужебные здания и находящиеся в них предметы, предназначенные для религиозных целей[14].

Государственные органы жестко контролировали каждый шаг армянского духовенства и активистов церковной общины. По каждому даже незначительному вопросу церковь должна была получить разрешение от городских и губернских (с 1924 – окружных) властей. Так, в июне 1925 г., в самый либеральный год нэпа, настоятель церкви обратился с заявлением в административный отдел Ставропольского окружного исполкома со следующей просьбой: «По древним установлениям Армянской церкви умершие священники сначала облачаются, а затем предаются земле. Вчера умер Армянский священник Нерсес Тер-Погосян 105

лет от роду, которого для погребения надлежит облачать, а потому прошу не отказать разрешить внести в расход одну из старых риз, необходимую для облачения, и выдать на то настоящее удостоверение»[15].

В следующем году армянский приход Ставрополя лишился часовни с колокольней, по сути, своей второй церкви. Церковный совет церкви 16 апреля 1926 г. сообщил административному отделу Ставропольского окрисполкома, что в колокольне при часовне армянского кладбища образовалась трещина и просит направить комиссию для осмотра колокольни. Комиссия, обследовавшая 19 апреля колокольню, сообщала, что первый этаж колокольни состоит из четырех каменных столбов, соединенных арками толщиной в один камень. Пролет арки имел 0,8 сажени, ширина арки составляла 0,34 сажени[16].

Описаны также все параметры первого этажа каменной часовни. Второй деревянный этаж со шпилеобразной крышей, крытый железом представлял собой форму восьмерки с восемью окнами. Комиссия, обнаружив несколько трещин, пришла к выводу, что колокольня в настоящем состоянии считается опасной для проходящих под ней людей. Было предложено колокольню, а заодно с ней и саму часовню закрыть. На основе этого «предложения» комиссии властями было принято решение разрушить культовое сооружение[17]. Религиозному обществу даже не было предложено осуществить самостоятельно ремонт. В результате от кладбищенской часовни остался один колокол.

В этой связи 17 мая 1926 г. председатель армянского религиозного общества Кисловодска обратился в административный отдел Ставропольского окрисполкома с заявлением, содержавшим просьбу передать колокол в Кисловодск, где имелась небольшая церковь. Кисловодское общество 3 июня получило от окрисполкома невнятный ответ[18]. В настоящее время пока нет информации как о колоколе, так и об истории самой кисловодской церкви, больше напоминавшей молельный дом, как это можно видеть на сохранившейся старой фотографии курортного города.

В первые дни после провозглашения советской власти (март 1918 г.) национально-религиозная жизнь армян Пятигорска не остановилась. В городе, на короткое время ставшем центром Северо-Кавказской Советской Республики, продолжали действовать благотворительные и культурные общества. Однако с укреплением новой власти начинается вытеснение с арены самостоятельных национальных организаций. Их место должны были занять национальные секции, созданные при партийных и советских органах. Но и они, не способные решить проблемы беженцев, вынуждены были прямо или косвенно взаимодействовать с церковью и терпеть существование благотворительных организаций, хоть что-то делавших для некоторого облегчения их ужасного положения. В одном из объявлений в «Известиях К.И.К. советов Северного Кавказа, окружного исполкома и Пятигорского совдепа» сообщалось: «Сегодня, 17 августа (1918 г. – В.А.), в ограде армянской церкви в 10 часов утра имеет быть общее собрание всех армян для обсуждения некоторых важных вопросов, требующих неотложного решения»[19].

В январе 1919 г. город заняли части Добровольческой армии. Пятигорск до апреля 1920 г. стал центром Терско-Дагестанского края. Положение армянской общины продолжало ухудшаться. В отличие от советской власти, белое правительство не занималось антирелигиозной пропагандой, хотя и большевикам до этого некогда было активно бороться с религией.

В апреле 1920 г. в Пятигорск вошли части Красной армии, а город был объявлен центром Терской области (с 1924 г. – округа), в пределах которой находились крупные религиозные приходы ААЦ: Пятигорск, Георгиевск, Кисловодск, Эдиссия, Святой Крест (Прикумск), Кизляр, Моздок и др.

Власти Терека внешне пытались соблюдать «гражданские права» верующих от ретивых чиновников. Так, на заседании контрольной комиссии Терского губкома РКП(б) 28 февраля 1922 г. «рассматривалось дело № 92 по обвинению Микиртумянца в нарушении религиозных чувств в армянской церкви, совершенное

23 января 1922 года. Священник армянской церкви Тер-Васканьянц доказывает, что т. Микиртумянц – член РКП(б); при опросе и следствии выяснилось, что товарищ является беспартийным»[20]. Впрочем, в том же протоколе было записано следующее решение: «Дело прекратить и сдать в архив»[21].

Армянской церкви Сурб Таргманчац, находившейся в самом престижном месте окружного центра, власти решили найти новое применение. Вначале там организовали городской музей, затем – окружной архив и даже спортивный зал, где проводились соревнования. Но еще раньше по решению городских властей закрылась приходская школа, а ее здание было использовано под городскую поликлинику (в настоящий момент – городская станция переливания крови). В то же время церковный приход фактически продолжал существовать, пока был жив священник Абраам Шхинянц и над городом возвышались купола армянской церкви[22].

Наибольший урон на Ставрополье понесла ААЦ в городе Святой Крест, переименованном советской властью в Прикумск, а затем в Буденновск[23]. Первой из трех городских армянских храмов ликвидировали церковь Сурб Пркич (во имя Христа Спасителя). Она была сожжена воинствующими безбожниками в 1925 г. Об этом событии старожил города В.М. Мадатов написал в своих воспоминаниях: «И ведь как сделали эти безбожники – подожгли ночью, втихаря. Это потом уже не таились, когда в 1935 году рушили соборную церковь... А тогда еще не так-то просто было церковь уничтожить. Чтобы навести на ложный след, разрушители придумали историю и пустили по городу такой слух, мол, мальчишки баловались, привязали какой-то собаке к хвосту пучок пакли, эту паклю подожгли, а собаку запустили в церковь. И якобы именно по этой причине возник пожар в церкви, и она сгорела... Конечно, это похоже на издевательство, но все же факт остается фактом: первую церковь, что разрушили в городе, погубили не открыто, а тайно, побаиваясь горожан»[24].

Чтобы нейтрализовать возможные волнения среди жителей, было заявлено, что на месте церкви будет создана армянская школа,

но в 1926 г. полуразрушенное церковное здание окончательно снесли[25].

Масштабное наступление против армянских церквей в годы нэпа осуществлялось на Кубани. После окончательного установления в регионе советской власти (весна 1920 г.) закрываются приходские школы, национальные общественные, в том числе благотворительные организации, осуществлявшие совместную деятельность с ААЦ, особенно среди многочисленных западноармянских беженцев. В 1922 г. происходило изъятие церковных ценностей. Например, из армянского храма Краснодара конфисковали «более 37 фунтов серебра и 10 золотников золота: чаши, кресты, лампады, кадила и др.»[26].

Несмотря на многочисленные заявления центральных и региональных властей о терпимом отношении к религии, в 20-е гг. были закрыты армянские церкви в Армавире, Анапе, Майкопе, Новороссийске, Тенгинке, Армянском районе и др.

Давление на верующих традиционных конфессий приводило к тому, что все чаще их адепты стали пополнять ряды сектантских объединений. Информация о росте численности этих организаций поступала со всех регионов Юга России. Так, например, секретариат Северо-Кавказского крайкома РКП(б) от 10 февраля 1925 г. в своем решении «По антирелигиозной пропаганде» констатировал «резкое возрождение сектантства»[27].

Отход от традиционной конфессии в сектантство имел место и в армянской среде, особенно среди обездоленных западноармянских беженцев. На заседании армянской партсекции Владикавказского округа 6 февраля 1926 г. была заслушана информация Хлеяна «О “неделе евангелизации” среди армян». Докладчик сообщал: «Группой евангелистов проводится пропаганда среди армян-беженцев, и некоторые записываются в общество евангелистов»[28]. В постановлении секции ставилась задача «предпринять соответствующие меры против такого ненормального явления». С этой целью предлагалось «совместно с Советом Безбожников проводить собрания в районах беженцев с разъяснительным

характером», вести «широкую культурно-просветительную работу в клубе»[29]. Конечно, национальная секция заботилась не о сохранении традиционной веры, а ставила задачу превратить своих соотечественников в «воинствующих безбожников». Еще чаще верующие армяне переходили в лоно РПЦ. Тем более, что в отношении православных приходов давление со стороны центральных и местных властей постепенно начинает ослабевать.

В целом, смягчение государственной конфессиональной политики в отношении различных конфессий в годы нэпа мало отразилось на положении ААЦ на Юге России. Многие приходы в административном порядке были ликвидированы, а большая часть культовых сооружений изъята местными властями для своих хозяйственных нужд. Однако разгром епархий, разрушение храмов, массовые репрессии в отношении духовенства и прихожан разворачиваются с конца 1920-х годов.

Глава III. Разгром приходов Армянской Церкви на Юге России в 30-е гг. XX в. Последствия антирелигиозной политики в отношении ААЦ

3.1. Особенности конфессиональной политики советского государства в период «Великого перелома»

В 1920-30 гг. советская власть осуществляла масштабную культурную революцию, ставшую третьей составной частью «наступления социализма по всему фронту». Как в русских, так и в национальных регионах Северного Кавказа эта революция, ставившая цель «создать новую социалистическую культуру», предполагала решение таких задач, как ликвидация неграмотности населения, введение всеобщего начального образования, создание новой системы средней и высшей школы, «перевоспитание буржуазной интеллигенции» и формирование новых, советских специалистов и др. В национальных областях и районах к ним добавлялась еще одна – развитие культуры национальной по форме, социалистической по содержанию.

Проводя культурную революцию, власть решала конкретные практические задачи: сформировать поколение новых людей, которые станут опорой для режима и будут способны выполнить любые решения, исходящие от него[1].

Новая культура должна была воспитать человека, «свято верящего» в утвержденную правящей партией доктрину. А это фактически подразумевало замену традиционных религий новой, советской, с ее культами вождей, «пророками», догмами. Это явление на заре советской власти заметили известные русские мыслители, в частности православный философ-богослов Сергей Николаевич Булгаков (1871-1944). В 1917 г. он писал: «Социализм относится непримиримо к христианству, да, в сущности, и ко всякой другой религии, ибо сам хочет стать религией и вытесняет всякую другую»[2].

Через два десятилетия (1937) Н.А. Бердяев отмечал, что

«непримиримо враждебное отношение коммунизма ко всякой религии не есть явление случайное». Коммунизм сам «хочет быть религией, идущей на смену христианству. Он претендует отвечать на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни. Коммунизм целостен, он охватывает всю жизнь ... поэтому его столкновение с другими религиозными верованиями неизбежно»[3].

Этим и объясняется то остервенение, с которым власть преследовала традиционные религии под знаменем атеизма, ставшего государственной политикой. Но если до 1928 г. конфессиональная политика государства носила черты т.н. «религиозного нэпа», то с конца 1920-х гг. ужесточается политика в отношении всех религиозных организаций. Инициатива на религиозном фронте полностью переходит в руки карательных органов. Конфессиональные структуры ими рассматривались как легально действующая агентура империализма.

В декабре 1927 г. Сталин в своем выступлении на XV съезде ВКП(б) подверг резкой критике тех ответственных работников, которые допустили ослабление антирелигиозной работы. В апреле 1928 г. на собрании московского партактива генсек, развивая тему наступления на кулака, вновь увязал ее с необходимостью усилить антирелигиозную работу в массах[4].

10 декабря 1928 г. состоялось специальное заседание Оргбюро ЦК под председательством Л. Кагановича, собравшееся с целью выработки конкретных мер, направленных на активизацию антирелигиозной работы[5]. В соответствии с принятыми там решениями был разработан секретный циркуляр «О мерах по усилению антирелигиозной работы». После одобрения членами Политбюро (24 января 1929 г.) за подписью Л. Кагановича циркуляр 14 февраля 1929 г. был разослан на места. Документ настраивал местное руководство на принятие самых жестких мер в отношении конфессиональных объединений, как «единственно легально действующих контрреволюционных организаций, имеющих влияние на массы»[6].

В русле партийных директив активизировались комсомол и Союз безбожников, в июне 1929 г. переименованный в Союз

воинствующих безбожников (СВБ).

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» (конкретизированного Инструкцией НКВД № 238 за 1 октября 1929 г. «О правах и обязанностях религиозных объединений» и Инструкцией ВЦИК от 16 января 1931 г. «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах») деятельность этих общин была поставлена под абсолютный контроль государственных органов. Религиозным организациям воспрещалось создавать кооперативы и другие производственные структуры, устанавливать обязательные членские взносы, кассы взаимопомощи с добровольными пожертвованиями верующих (кроме предназначенных на цели культа), организовывать детские кружки, библиотеки, медпункты. Без санкции властей было запрещено проводить общие собрания прихожан, за исключением похорон. Ограничивалась возможность организации религиозных шествий вне стен храмов. Через процедуру регистрации должны были проходить все члены религиозных обществ. Священнослужители, приглашенные верующими, допускались к исполнению своих обязанностей при наличии регистрационного удостоверения. Контролирующие органы имели право отвода «сомнительных» кандидатур из состава исполнительных органов религиозных организаций или же из состава двадцати («двадцатки») членов-учредителей. Постановление предусматривало возможность изъятия культовых зданий по постановлению местных исполкомов с правом обжалования решения местных органов во ВЦИК в течение 2 недель[7].

В мае 1929 г. из статьи 4 Конституции РСФСР было изъято положение о свободе религиозной пропаганды. При этом сохранялась «свобода религиозных исповеданий» и «антирелигиозной пропаганды».

8 апреля 1929 г. при Президиуме ВЦИК была создана Постоянная комиссия по вопросам культов, возглавляемая П.Г. Смидовичем. Соответствующие комиссии появились и при Президиумах ЦИК АССР, краевых, областных исполкомах, горсоветах и райисполкомах. Комиссии должны были согласовывать

и координировать политику всех ведомств, которые были связаны с религиозными вопросами, вести учет и т.д.[8].

В 1928-1929 гг. из Центра на места отправлялись противоречивые решения и инструкции. В одних требовалось решительно развертывать кампанию по изъятию культовых объектов всех конфессий, а в других (в ответ на сопротивление верующих) местные власти подвергались критике за принятие решений о массовом закрытии культовых зданий. Например, опасаясь новых конфликтов на религиозной почве, ЦК ВКП(б) направил в местные парторганизации письмо «О тактичном подходе в деле закрытия церквей» (5 июня 1929 г.)[9].

Но уже в конце 1929 г., в условиях развернувшейся сплошной коллективизации, кампания по изъятию культовых сооружений возобновилась с новой силой. Например, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 14 января 1930 г. информировал ЦК, что «на местах поднимаются вопросы о закрытии церквей на период коллективизации, чтобы не было поводов усиления кулацкого воздействия на бедняцко-середняцкие массы»[10].

Для закрытия культовых зданий находили разные причины: неуплата налогов, введение карантина во время эпидемии, реконструкция площадей и улиц, близкое месторасположение к школам, отсутствия в селе помещения для складирования зерна. Основанием для прекращения богослужений мог стать арест кого-либо из церковного причта, отказ в регистрации членов «двадцатки» или служителя культа. Закрытие церкви в подобном случае обосновывалось распадом «религиозного общества» и отсутствием священника[11]. Церковное помещение изымалось также под предлогом ветхости строения. При этом назначались нереальные сроки ремонта, завышались непосильные для верующих сметы. Очень часто фальсифицировалась процедура принятия решений о закрытии храмов[12].

В ходе антицерковной кампании власти, чтобы не создать у приверженцев той или иной религии впечатления конфессиональной избирательности, закрывали наряду с храмами

РПЦ, ААЦ, костелы, кирхи, мечети, синагоги и т.д.

Для местных властей стало неожиданностью принятие постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» (14 марта 1930 г.), в котором требовалось «решительно прекратить практику изъятия церквей в административном порядке»[13]. 6 апреля 1930 г. Оргбюро ЦК ВКП(б), а 11 мая Секретариат ЦК утвердили текст резолюции «Об искривлении линии партии в руководящих материалах Союза воинствующих безбожников к антипасхальной кампании», в которой осуждалось нарушение культового законодательства в практике советских органов[14]. Но уже в резолюциях XVI съезда ВКП(б) (июнь – июль 1930 г.), провозгласившего развернутое наступление социализма по всему фронту, говорилось о том, что партия должна закрепить и развить значительные успехи, достигнутые в деле освобождения масс от реакционного влияния религии[15]. Со второй половины 1931 г. и особенно с февраля 1932 г. кампания по закрытию церквей была дополнена сбором колоколов в интересах промышленности и дальнейшим ограничением прав священнослужителей[16].

Постановлениями Президиума ВЦИК от 30 августа 1930 г. предусматривалась возможность предоставления служителю культа, отказавшемуся от сана и публично заявившему об этом, право наниматься через биржу на работу в различные учреждения, кроме органов просвещения[17].

До начала 30-х гг. массовых репрессий против лиц духовного звания не проводилось, хотя немало священнослужителей было привлечено к уголовной ответственности в индивидуальном порядке. На XVII партконференции (январь-февраль 1932 г.) было заявлено о том, что задача ликвидации за годы второй пятилетки пережитков капитализма обязывает «к особо напряженной борьбе с религией»[18]. Секретариат ЦК, став правопреемником Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б), практическое осуществление антирелигиозной политики передал Объединенному государственному политическому управлению (ОГПУ). В 1934 г. ОГПУ вошло в состав НКВД СССР

(образованного из НКВД РСФСР) как Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Председателем ОГПУ (а ранее председателем ГПУ при НКВД РСФСР) до 20 июля 1926 года являлся Ф.Э. Дзержинский, затем до 1934 года ОГПУ возглавлял В.Р. Менжинский. В 1934 г. эта должность была упразднена. НКВД тогда возглавлял Генрих Григорьевич Ягода (1934-1936).

Постоянная комиссия по культам при Президиуме ВЦИК РСФСР 16 февраля 1933 г. одобрила предложенный ОГПУ проект постановления «О состоянии религиозных организаций» и потребовала принятия решительных мер по изоляции духовенства от населения[19].

В итоге антирелигиозной кампании к апрелю 1936 г. по СССР функционировало 28,5% культовых зданий (в т.ч. по РСФСР – 35,6%) от их общей дореволюционной численности. По данным Президентской комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, за годы советской власти было репрессировано 500 тыс. лиц духовного звания и активистов из числа мирян всех конфессий. Из этого числа 200 тыс. погибли. Только в 1937-1938 гг. было репрессировано 165,2 тыс. человек, в том числе 106,8 тыс. расстреляно[20].

В процессе принятия Конституции СССР антирелигиозная кампания несколько поутихла, но уже февральско-мартовский (1937 г.) пленум ЦК ВКП(б) вновь потребовал усилить антирелигиозную работу. Объявлялось об участии конфессиональных объединений в масштабной «шпионско-диверсионной» деятельности, руководимой из-за рубежа и направленной на разрушение советского государственного строя[21]. Следует отметить, что в 1930-е гг. и особенно во второй половине этого десятилетия острие репрессий было направлено не на приходы РПЦ, а на конфессии дисперсных этносов. Последние подлежали искусственной ассимиляции.

В связи с тем, что государственная конфессиональная политика на местах сводилась к деятельности репрессивных органов, Президиум Верховного Совета РСФСР своим решением от 7 октября 1938 г. ликвидировал местные комиссии по вопросам культа[22]. Политический режим, несмотря на все усилия, не сумел поставить под

свой полный контроль религиозную жизнь общества. Этим и объясняется своеобразный компромисс, заключенный между властью и Церковью, в первую очередь с РПЦ, в критический момент для страны.

Накануне Великой Отечественной войны, когда возникла необходимость мобилизовать население под патриотическим знаменем, появились признаки позитивных изменений в положении РПЦ, в меньшей степени – в отношении к неправославным конфессиям, к которым относились дисперсные этносы, которые подлежали искусственной ассимиляции.

Поворот в отношениях с РПЦ в полной мере согласовывался с «реабилитацией» державных национальных символов, прежде всего русского народа. А это обстоятельство не могло не повлиять на отношение власти к «государственнообразующей» конфессии периода империи. Согласимся с часто звучащей в последнее время точкой зрения, что коммунистическая партия психологически и в функциональном смысле воспринималась большей частью русского народа прямой наследницей и аналогом РПЦ как государственной Церкви, с которой большевиков, среди прочего, сближала обоюдная убежденность в абсолютной правоте собственного учения[23].

* * *

Тотальное наступление на Армянскую Церковь разворачивается в годы «Великого перелома», начавшегося в конце 1920-х гг.

Оно ознаменовалось повсеместным закрытием, а затем и разрушением тех храмов, которые сохранились после «красноармейской атаки» на церковь в самом начале советской власти. Разворачивался маховик преследования духовенства.

В Эчмиадзине особенно были обеспокоены возможным арестом самого видного представителя ААЦ в России главы Ново-Нахичеванской епархии ученого и патриота архиепископа Гарегина Овсепяна. Чтобы спасти его от репрессий католикос Геворк V Суренян принял решение назначить его патриаршим посланником в

Европе вместо епископа Григориса Палагяна, которого 31 января 1928 г. высший иерарх Армянской Церкви отрешил от занимаемой должности. Верховный Духовный Совет ААЦ направил прошение на имя председателя СНК Армянской ССР С. Амбарцумяна, где говорилось: «Для приведения в порядок дел Европейской епархии, ликвидации имевших там недоразумений и неприятностей и с целью проведения выборов нового начальника епархии и епархиального совета, по распоряжению Его Святейшества, в Париж направляется архиепископ Гарегин Овсепян»[24]. В этой связи Духовный Совет просил от СНК республики дать распоряжение на предоставление шестимесячного отпуска архиепископу «для поездки с этой целью в Париж»[25]. Однако С. Амбарцумян, не желая брать на себя ответственность, передал решение этой проблемы председателю республиканского ГПУ Мелик-Осипов, в полной мере зависимому от своего московского руководства. В разрешении на выезд за пределы СССР архиепископу Гарегину Овсепяна было отказано[26].

Предвидя неизбежный арест, глава Ново-Нахичеванской епархии обратился к католикосу с просьбой отозвать его из Ростова-на-Дону в Эчмиадзин, мотивируя это желанием посвятить себя научной работе, которую он вел в сотрудничестве с лингвистом и кавказоведом Николаем Марром[27]. Последний тогда еще находился в фаворе у вождя. В Эчмиадзине архиепископ Гарегин Овсепян 12 ноября 1932 г. участвовал в национально-церковном соборе в качестве кандидата на пост католикоса. И хотя архиепископ получил небольшое число голосов, он был избран членом Верховного Духовного Совета.

«Дамоклов меч», нависший над главой Ново-Нахичеванской епархии, не повлиял на его решимость отстаивать интересы Армянской Церкви в России. В связи с тотальным закрытием армянских церквей, в том числе основанного в 1353 г. монастыря Сурб Хач в Феодосии, архиепископ Гарегин Овсепян 24 апреля 1929 г. направил председателю Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК П.Г. Смидовичу записку, в которой писал: «Пользуясь своим приездом в Москву для посещения паствы

своей, я позволяю себе обратиться к Вам с просьбой – обратить внимание и ускорить разрешение вопроса об открытии закрытых местной властью армянских церквей: 1. В городе Феодосия закрыты все три армянские церкви; 2. Армянские церкви в Новороссийске закрыты 23 февраля 1929 года. Ходатайство об отмене этого распоряжения перед местными властями успеха не имело, несмотря на то, что церковь является единственной на Черноморском побережье. Верующие армяне на всем Черноморском побережье (в том числе значительное количество беженцев армян из Турции) совершенно остались без церкви. Моя просьба к Вам ускорить, по возможности, открытие этих церквей, а пока до окончательного разрешения жалоб по существу в Президиуме ВЦИК сделать телеграфное распоряжение о возвращении церквей, дабы дать возможность верующим армянам городов Феодосии и Новороссийска молиться на родном языке в своих церквах во время пасхальных праздников»[28].

Причиной нового обращения 20 февраля 1930 г. архиепископа к П.Г. Смидовичу стали закрытие в январе 1930 г. армянской церкви в Ленинграде (из-за неуплаты непосильных для общины налогов), арест протоиерея армянских церквей в Москве Арсена Симонянца и разгром церковного совета. «Объезжая епархию, – писал архиепископ Гарегин, – я приехал в Москву и узнал, что настоятель Московской армянской церкви протоиерей Арсен Симонянц арестован по ордеру от 19 января 1930 года за № 2529. А. Симонянц – единственное духовное лицо армянского вероисповедания в Москве, обслуживавшее религиозные нужды многочисленных верующих армян. Зная его с юношеского возраста и хорошо знакомый с его образом жизни и его работой за все время, я считаю своим нравственным долгом засвидетельствовать, что по своим убеждениям он не способен на какое-либо политическое преступление, и что он всегда был вполне лоялен к советской власти и в этом направлении старался влиять на своих прихожан. Объясняя его арест каким-то недоразумением, я прошу Вас учесть положение многочисленных верующих, лишенных единственного священника,

и оказать содействие скорейшему разрешению дела и освобождению арестованного из-под ареста, чтобы дать ему возможность исполнить свои обязанности. Я готов дать полное поручительство в том, что в случае освобождения протоиерей Симонянц не покинет Москвы и явится по первому требованию властей»[29].

Единственно, чего добился глава епархии, – это возобновление службы в армянской церкви Москвы и назначение ее настоятелем иерея астраханской армянской церкви Аршака Чанчикяна. Впрочем, в 1937 г. иерея приговорили к десяти годам лишения свободы[30].

Но если в Москве, где находились дипломаты многих стран, советское руководство из политических соображений сделало такое незначительное послабление, то на окраинах, в частности на Дону и Северном Кавказе, тотальное наступление на ААЦ происходило жестоко и бесцеремонно.

В результате массовых репрессий в отношении армянского духовенства произошла практически полная ликвидация структуры ААЦ на территории Европейской части СССР. На Юге России были закрыты и подверглись варварскому уничтожению шедевры церковной архитектуры в Ростове-на-Дону, Таганроге, Армавире, Астрахани, Краснодаре, Новороссийске, Ставрополе, Святом Кресте (Буденновске), Пятигорске, Моздоке, Грозном, Кизляре, Махачкале, Буйнакске и других населенных пунктах. Другие храмы, превращенные в склады и иные хозяйственные помещения, ожидала такая же участь[31].

Прошедшая в СССР в тридцатых годах волна репрессий в отношении духовенства ААЦ затронула не только армян, проживавших в диаспоре, но и на территории Армянской ССР, Нагорном Карабахе и других территориях Восточной Армении, оставшихся за пределами Советской Армении. Число представителей армянского духовенства, подвергшихся репрессиям, только в Советской Армении составило более 200 человек. В числе репрессированных были также известные священнослужители – архиепископ Баграт Вартазарян, епископы Артак Смбатян, Исаак Тер-Микаелян, Гют Назарян, Срапион Самвелян, Аристакес

Зулолян, Тадевос Арутюнян, Вртанес Акопян, архимандриты Даниел Ванский (Задоян), Ованес Иусян и многие другие. В ночь с 5 на 6 апреля 1938 г. в патриарших покоях сотрудниками госбезопасности был задушен католикос Хорен I Мурадбекян (1873-1938). В тот же день карательными органами была разграблена сокровищница Первопрестольного Эчмиадзина, а находящиеся там сокровища национализированы[32].

Тотальному уничтожению подверглось армянское духовенство Нагорного Карабаха (Арцаха), Нахичеванской АССР и Гандзака, причем оно происходило и в «либеральные» (но не для указанных территорий) годы нэпа. Особую жестокость проявляли республиканские власти Азербайджанской ССР в отношении духовенства Арцахской епархии, понесшей невосполнимые потери еще во время мартовского геноцида в Шуши (1920), когда турецко-мусаватистскими бандами были убиты все члены правления епархии во главе с епископом Ваганом Тер-Григоряном. Власти Азербайджанской ССР «выполняли республиканский план» антирелигиозной борьбы за счет армянских областей, включенных в состав этой новообразованной республики, искусственно созданной по обоюдному согласию между Турцией и большевистским правительством РСФСР. Сотни храмов, представлявших историческую ценность, были разрушены или использовались под хозпостройки. Два года подряд Арцахская епархия была лишена предводителя и управлялась местоблюстителями: архимандритом Бюзандом, затем иеромонахом Суреном[33]. И только 27 марта 1921 г. патриаршим указом Геворга V предводителем Арцахской епархии был назначен престарелый архиепископ Анания Амазаспян (резиденция – село Аветараноц)[34]. По его сообщениям, в 1922 г. из 159 входящих в епархию населенных пунктов в 27 не было церквей, священники были лишь в 39-и»[35]. В связи с невыносимыми условия жизни, созданными властями республики, 27 мая 1924 г. он подал прошение об отставке. Католикос Геворг V удовлетворил его просьбу и в следующем году добился назначения главой Арцахской епархии и настоятелем монастырей Гандзасар (центр епархии) и

Амарас архимандрита Вартанеса Акопяна, вскоре рукоположенного в епископы[36].

Предводитель Арцахской епархии подвергался преследованиям. Без каких-либо оснований арестованный, даже после решения суда, не нашедшего в действиях епископа Вартанеса состава преступления, его несколько лет продолжали держать в застенках Шушинской тюрьмы. Только благодаря многочисленным апелляциям Святого Эчмиадзина к центральному руководству удалось освободить его из тюрьмы. Однако судьба епархии была предрешена. В апреле 1933 г. руководство Азербайджанской ССР добилось окончательной ликвидации Арцахской епархии. В начале 30-х гг. на территории древней армянской области не осталось ни одной действующей церкви[37].

Большинство армянского населения Северного Кавказа, особенно проживавшего в Центральном и Восточном Предкавказье, являлись выходцами из армянских регионов, включенных в состав Азербайджанской ССР. Несмотря на жесткую антирелигиозную политику, проводившуюся во всех регионах СССР, такого беспрецедентного давления, которому подвергалась ААЦ и армянское население Нагорного Карабаха, Нахичеванской АССР, не было нигде.

Линия на окончательное искоренение присутствия ААЦ на Юге России несколько смягчилась в период Великой Отечественной войны, когда на высоком правительственном уровне произошла «корректировка» политики в отношении к религии и церкви. Диктатор (несостоявшийся священнослужитель) нуждался в особом ореоле, который можно было приобрести не трудами классиков марксизма-ленинизма, а веками установленным правилом – благословением высшего церковного иерарха. К тому же, советская власть, развертывая патриотическое воспитание, вынуждена была считаться с религиозными чувствами людей. Сталин, желая уподобиться Отцу Всея Нации, в первые дни войны обратился к народу не с традиционным «товарищи», а принятым у священников обращением к верующим – «братья и сестры!». Правда,

«либерализация» политики в отношении церкви более или менее открыто проявится в середине войны, когда, с одной стороны, сама церковь поднимет свой глас с призывом защитить Отечество, а с другой стороны, потребуется нейтрализовать лицемерную политику нацистов, пытавшихся на захваченных территориях использовать оскорбленные религиозные чувства людей в своих интересах.

Как и Русская Православная, так и Армянская Апостольская Церковь, в первые дни войны призвала свою паству встать на защиту страны. Значительные средства она направила на военные нужды. Так, например, на средства ААЦ были сформированы две танковые колонны «Давид Сасунский».

Свою лепту в победу внесли и те немногие приходы Юга России, которые сохранились к указанному времени. Приведем только два факта. Так, формально возобновивший свою деятельность Ново-Нахичеванский епархиальный духовный совет из своих церковных средств внес 3330 руб. на оборону страны, 4646 руб. на помощь раненым, 10 000 руб. в пользу Красной Армии, 20 000 руб. на поддержку инвалидов, 20 000 руб. семьям военнослужащих, 2000 руб. на строительство танковой колонны Давида Сасунского[38]. На строительство танковой колонны «Давид Сасунский» от верующих церкви Сурб Аствацацин города Армавира 28 августа 1943 г. в Эчмиадзине был получен денежный перевод в сумме 3412 рублей[39].

Сбор средств в помощь Красной Армии осуществлялся во всех армянских общинах мира. В США деятельное участие в работе образованного комитета помощи принял предводитель Американской епархии архиепископ Гарегин Овсепян. Здесь уместно отметить, что в рядах сражающейся армии Соединенных Штатов находилось 18 тысяч 500 американских армян[40].

В связи с вышесказанным Сталин согласился на возобновление деятельности не только патриарха Московского и всея Руси, но и верховного иерарха Армянской Церкви, пост которого после убийства католикоса Хорена I оставался вакантным. 19 апреля 1944 г. состоялась встреча диктатора с архиепископом Геворгом

Чорекчянцем (1868-1954), родившимся в Новой Нахичевани, а в довоенный период возглавлявшим армянскую епархию Грузии. Во время этой встречи были решены проблемы предстоящих выборов высшего церковного иерарха, а также вопросы взаимодействия власти с церковью[41]. Естественно, что будущий Верховный патриарх и католикос всех армян (выборы состоялись в июне 1945 г. и на этих выборах католикосом избирается Геворг Чорекчянц под именем Геворг VI) не мог не затронуть проблемы сохранения церковных сооружений там, где их не успели ранее разрушить. И поэтому целый ряд церковных сооружений ААЦ в тот период не разрушили.

Результатом смягчения конфессиональной политики стало возобновление деятельности двух российских епархий. Местоблюстителем Северо-Кавказской (Армавирской) епархии, распоряжением Геворга Чорекчянца в 1944 г. был назначен архимандрит Сурен Торосян, получивший в следующем году сан епископа[42]. Впрочем, в 1946 г. епископ Сурен был назначен предводителем Румынской епархии, а викарием Северо-Кавказской и Астраханской епархии назначен протоиерей города Армавира Вазген Таварбекян[43]. Распоряжением католикоса Геворга в 1945 г. начальником Ново-Нахичеванской епархии был назначен епископ Карапет Туманян[44].

В послевоенные десятилетия наступление на южнороссийские приходы ААЦ возобновилось, особенно в период хрущевской оттепели. «Построив» социализм», страна устремилась к коммунизму. А так как ставилась задача за короткое время избавиться от всех вредных остатков феодально-буржуазного прошлого (к их числу относили религию и национальное самосознание), в 1950-60-х гг. практически был осуществлен полный разгром приходов ААЦ, сопровождавшийся разрушением большинства храмов.

3.2. Антирелигиозная политика советской власти в отношении донских приходов Ново-Нахичеванской епархии ААЦ

С наибольшим ожесточением антирелигиозная политика в отношении ААЦ в годы «Великого перелома» происходила на Дону.

Осуществление линии на разгром ААЦ совпало с отъездом из Ростова-на-Дону главы епархии Гарегина Овсепяна, который впоследствии избежал репрессий в связи с назначением за границу. В 1930-е гг. донские приходы Ново-Нахичеванской епархии находились под опекой протоиереев кафедрального собора Сурб Григор Лусаворич. По всей видимости, в первое время обязанности местоблюстителя епархии исполнял Рубен Варфоломеевич Бекгульянц. В то же время достоверно известно, что по указу католикоса от 3 октября 1934 г. заместителем начальника епархии был назначен Мкртыч Эммануилович Тер-Акопьянц (1868-1938?). Он родился в 1868 г. в селе Чалтырь в крестьянской семье. За свою многолетнюю пастырскую деятельность и усердное служение не раз был отмечен разными наградами, в том числе орденом св. Анны III степени (1912). Во время одного из визитов в Ростов-на-Дону главы Ново-Нахичеванской епархии Гарегина Овсепяна в 1934 г. были оглашены два кондака католикоса. Один из них – от 28 марта 1934 г. – о награждении М.Э. Тер-Акопьянца крестом и второй – от 3 октября 1934 г. – о назначении его заместителем начальника епархии[1].

История варварского уничтожения большинства городских храмов такова. В 1930-е гг. в Ростове-на-Дону, куда вошла Нахичевань, были разрушены церкви Сурб Никогос, Сурб Теодорос, Сурб Геворк, Сурб Аствацацин, Сурб Амбарцум. Как правило, решение о разрушении церквей принималось по заданию Центра краевыми властями: вначале партийными, а затем советскими. Потом эти решения спускались местному руководству. Оно «по просьбе общественности» принимало собственное решение и обращалось к вышестоящим властям с просьбой утвердить его.

Краевое партийно-советское руководство «вынуждено» было «удовлетворять» инициативу трудящихся. Вот только одна резолюция бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 21 декабря 1930 г. «О закрытии Армянской церкви на 23 линии». Речь шла о нахичеванской церкви Сурб Аствацацин. По докладу Эльяшберга и Гордона принято постановление: «1) Утвердить решение Бюро Пролетарского района о закрытии Армянской церкви по 23 линии. б) Обязать Райком провести широкую разъяснительную работу среди рабочих и трудящихся масс Пролетарского района. в) Поручить фракции Ростовского Горсовета, после проведения массовой разъяснительной работы и вынесения соответствующих решений на рабочих собраниях и на собраниях трудящихся, оформить это решение в советском порядке, подняв вопрос этот через Крайисполком перед ЦИКом»[2].

В начале 1930-х гг. закрыли и начали разбирать на стройматериалы церковь Сурб Никогос. После Великой Отечественной войны на месте храма построили пятиэтажный жилой дом, который ныне стоит по адресу: 1-я линия, 56. Массивное сооружение закрытой тогда же церкви Сурб Теодорос так и не смогли разрушить в предвоенные годы. Остатки церкви были взорваны осенью 1941 г., и из ее кирпичей в период второго наступления немцев на город возводились уличные баррикады. Ныне на месте храма расположены гаражи.

После закрытия церкви Сурб Геворк началось разрушение здания. Так как прочный фундамент сохранялся еще некоторое время, трамвайная колея, перенесенная в тот период с Советской улицы на Комсомольскую, в районе Театрального проспекта относительно долго огибала не до конца разобранную часть храма. Теперь трамвайные пути на месте этой армянской церкви спрямлены[3].

В начале 1930-х гг. был закрыт собор Сурб Григор Лусаворич. Его высокую звонницу и купол разобрали сразу, а здание приспособили под детскую техстанцию. В 1942 г. во время оккупации храм вновь стал действующим, богослужение здесь

продолжалось и после освобождения города до конца 1950 г., когда церковь повторно закрыли[4]. Запланированное партийными и городскими властями уничтожение шедевра зодчества встретило активное сопротивление армянской общественности.

Прихожане собора 9 августа 1960 г. составили письмо на имя нового Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева. Ниже приводим его содержание. «Согласно Конституции СССР и в соответствии с действующими в СССР законами, – говорилось в письме, – советские граждане имеют право свободно отправлять свои религиозные обряды, независимо от возраста, национальной принадлежности и вероисповедания. Мы – верующие-прихожане Армянского Кафедрального собора в г. Ростове-на-Дону так же, как миллионы верующих других национальностей имели в своем распоряжении здание собора для того, чтобы молиться и удовлетворять свои религиозные потребности, как того требуют каноны армяно-григорианской веры. Переданное нашей религиозной общине здание собора всегда содержалось в порядке, выполнялись все законные требования административных органов, уплачивались все полагающиеся налоги. В годы Великой Отечественной войны мы, верующие прихожане собора, не раз организовывали большие сборы в пользу раненых советских воинов и на другие цели, связанные с войной, не только среди верующих, но и среди всего армянского населения г. Ростова-на-Дону. Патриотические дела армянского народа и в том числе граждан армянской национальности г. Ростова были высоко оценены Советским правительством и удостоены высокой благодарности от имени Верховного Главнокомандующего, ныне покойного т. Сталина И.В. Нам известно, что в Советском Союзе церковь отделена от государства, что каждый гражданин волен или неволен верить в Бога, но, ни в Советской Конституции, ни в законодательных актах не дано права местным органам власти притеснять верующих, создавать препятствия в отправлении религиозных обрядов, и тем более, отбирать у верующих церковное здание, как это было сделано в г. Ростове-на-Дону, где у армян

верующих был отобран собор, в котором они в течение более 200 лет молились и отправляли свои религиозные обряды. Ростовский армянский кафедральный собор являлся не только местом молитв верующих, но и историческим памятником всего армянского народа, представляющим историческую и архитектурную ценность (собор был воздвигнут по проекту итальянских мастеров).

18 июля 1959 г. административные органы г. Ростова-на-Дону, в нарушение советских законов и защищаемых этими законами прав верующих, без их согласия и ведома, по самоуправному и выходящему за пределы их компетенции заявлению бывшего священника Дарбиняна (который по состоянию здоровья не мог уже служить) и двух членов Церковного совета, не нашедших в себе гражданского мужества протестовать против незаконных действий Дарбиняна, нарушающих интересы прихожан, отобрали собор, в ночное время, чтобы избежать недовольства граждан-армян, сорвали крест на куполе собора и сняли колокола. Мы, граждане армянской национальности, как верующие, так и неверующие, глубоко возмущены действиями советских и партийных органов г. Ростова-на-Дону, лишивших нас святого храма и старинного художественного архитектурного памятника… Мы, верующие, обращаемся лично к Вам с убедительной просьбой расследовать обстоятельства, сопровождавшие отбирание здания армянского собора и убеждены, что Президиум Верховного Совета поймет наше справедливое и законное желание и восстановит нарушенную законность. Просим Вас, товарищ Брежнев, возвратить нам здание нашего собора, а армянскому народу – старинный исторический памятник, воздвигнутый попечением армянского трудового народа 200-220 лет тому назад. Мы долго молчали, потому что надеялись на вмешательство наших духовных пастырей, в лице нашего епархиального начальника архимандрита Тер-Акопяна и Католикоса Всех Армян Вазгена I, но т.к. наши надежды и ожидания не оправдались, мы решили обратиться к Вам непосредственно, уповая на Ваше справедливое решение. 9 августа 1960 г. Ответ на

настоящую жалобу просим направлять по адресу: г. Ростов-на-Дону, 14 линия, 23, гражданке Самургашевой Т.Б.»[5].

Никакого ответа на это письмо не последовало.

Наоборот, местными властями было инспирировано письмо «от группы рабочих завода Красный Аксай» с просьбой предоставить им место на площади им. К. Маркса для строительства собственного Дома культуры. Вышестоящие инстанции «удовлетворили просьбу» *этих* граждан и приняли решение закрыть, а затем и снести кафедральный собор. Храм был взорван в 1963 г. В 1970 г. на его месте соорудили типовое здание Дворца культуры завода «Красный Аксай»[6].

Из пяти нахичеванских храмов, разрушенных в довоенный период, только в церкви Сурб Амбарцум, возвышавшейся между 34-й и 36-й линиями на 2-й Вознесенской улице (ныне – ул. Рябышева), богослужения продолжались до 18 августа 1936 г. В этот день, когда в городе отмечался Всесоюзный праздник авиации, случилась буря, сорвавшая с храма крышу. Церковь закрыли якобы на ремонт, но вместо восстановления ее спешно разрушили. Еще раньше в конфискованном здании бывшего духовного училища открыли Лесную школу. В 1942 г. во время германской оккупации города в ответ на убийство немецкого офицера во дворе школы были расстреляны десятки мирных жителей.

В 1931 г. закрыли и превратили в зернохранилище оставшуюся от монастыря Сурб Хач церковь. Монастырские постройки из года в год подвергались разрушению, пока их в послевоенный период (1960-е гг.) окончательно не разобрали. В 1953 г. ударом молнии была повреждена колокольня, что стало поводом для ее уничтожения. Предполагалось снести и церковь. Краеведы обратились к народному художнику СССР Мартиросу Сарьяну, уроженцу Нахичевани-на-Дону. Благодаря его вмешательству церковь была сохранена, а в ее здании было решено создать музей русско-армянской дружбы. Храм был восстановлен, и в 1972 г. музей (ныне действующая армянская церковь) принял первых посетителей.

Из нахичеванских армянских храмов сохранилась лишь

кладбищенская церковь Сурб Карапет. У церкви в прошлом не было своего прихода, а теперь все верующие армяне Ростова-на-Дону приходили на службу в этот последний действовавший храм. В 1938 г. и Сурб Карапет был закрыт, а его священнослужители арестованы по обвинению в связях с партией «Дашнакцутюн». Но уже в 1941 г. церковь вновь была открыта, что обусловлено вынужденно изменившимся курсом государства в отношении к религиозным организациям. До конца советского периода кладбищенская церковь оставалась единственной армянской церковью на Дону, где велась служба.

Итак, на главной площади Нахичевани место памятника Екатерине Великой, который был установлен переселенными на Дон крымскими армянами, занял памятник К. Марксу, не имевшему ни малейшего представления об этом городе, а место кафедрального собора заняло безликое здание ДК. Сам же Нахичевань-на-Дону еще в конце 1920-х гг. включили в состав Ростова в статусе Пролетарского района.

Не удалось спасти и церковь Сурб Акоб г. Таганрога. В октябре 1929 г. горсовет принял постановление, в котором указывалось: «Считать целесообразным Армянскую церковь по улице III Интернационала закрыть, так как при полнейшем отсутствии в городе помещений под культурно-просветительные нужды таковые используются незначительно по числу верующих армян...»[7].

На месте разрушенной в августе 1930 г. церкви (ныне – ул. Греческая, 62) впоследствии возвели типовой трехэтажный жилой дом. Разрушение храма произошло за два года до назначения первым секретарем Таганрогского горкома ВКП(б) Степана Христофоровича Варданиана (1900-1937). Известный советский государственный и партийный деятель, незаслуженно забытый после того, как личным распоряжением Сталина был репрессирован, много сделал для спасения исторических памятников Таганрога. В их числе самый лучший памятник, когда-либо установленный в честь Петра Великого[8]. Но армянскую церковь он не успел уберечь от разрушения. А может быть и не смог бы – партийно-классовые

интересы тогда превалировали над национальными.

В селах Мясниковского национального района, были разрушены церкви Сурб Саргис (с. Крым) и часовни в с. Катеринаван и у родника в с. Чалтыре. Большинство же сохранившихся церковных зданий использовались в хозяйственных целях. Наступление на ААЦ здесь осуществлялось другими методами: «наступательной» антирелигиозной пропагандой, дискредитацией духовенства и активных членов общин, репрессиями против них, что в конечном итоге должно было завершиться разгромом приходов. Такие методы работы обсуждались 18 апреля 1928 г. на заседании агитпропкомиссии Мясниковского райкома по вопросу «О состоянии и перспективах антирелигиозной работы»[9]. Причем на этом заседании присутствовало все руководство района (Гигоян, Харахашьян, Аваков, Худатьян, Акопов, Нор-Лусинов, Шагинян, Айдинян, Прокуронов).

И действительно, репрессии в отношении духовенства и активных членов церковных общин привели к разгрому сельских приходов. Оставшиеся без попечения церковные сооружения разграблялись, использовались под хозяйственные нужды и в целом постепенно разрушались.

Во время войны служба в ряде храмов возобновилась. Однако Мясниковский район оказался в эпицентре боевых действий, в связи с этим некоторые церковные сооружения, использовавшиеся в качестве опорных огневых точек, приняли на себя интенсивный огонь и подверглись значительному разрушению. Так было с церквами Сурб Геворк села Султан-Салы и Сурб Карапет с. Несветай. Чудом сохранилась церковь в Больших Салах, хотя вокруг происходили военные действия.

Впоследствии жители Султан-Салы и Несветая неоднократно, но тщетно поднимали вопрос о восстановлении храмов. В настоящее время храмы даже без куполов и с глубокими ранами величаво высятся над донской землей и ждут своих спасителей. Актуально звучит изречение о том, что поколение, при котором храм не был восстановлен, несет ответственность наравне с теми, кто разрушил

его.

Больше всего в период лихолетья «повезло» двум храмам: Сурб Амбарцум с. Чалтырь и Сурб Аменапркич с. Крым. В годы войны богослужения в церкви Сурб Аменапркич опять возобновились. По данным 1946 г., церковный приход (священник Мартирос Христафорович Арыхов) насчитывал 2100 человек, в том числе 700 мужчин и 1400 женщин. Под давлением областных властей Мясниковский райсовет 8 января 1960 г. принял решение «Об изъятии у религиозной армяно-григорианской общины здания недействующей церкви “Во имя Спасителя”» в селе Крым. Данное решение 27 мая 1960 г. поддержал Ростовский облисполком своим постановлением за № 269. В нем отмечалось, что церковь посещает незначительное количество верующих, из-за отсутствия священника служба не проводится. Здание церкви было переоборудовано под мастерские и спортивный зал школы № 5, а затем в колхозный амбар. На средства колхоза им. Лукашина в 1982 г. начались реставрационные работы. 21 сентября 1996 г. церковь вновь стала действующей[10].

Смогли защитить величественную церковь Сурб Амбарцум и жители Чалтыря. В послевоенный период церковный приход, возглавляемый священником Иусигом Джангуляном, объединял 3800 верующих. Впрочем, это не помешало вновь закрыть храм в период «развернутого строительства коммунизма». В 90-е гг. XX в. началась реставрация церкви на средства предприятий и жителей района. После окончательного восстановления в 2010 г. храм Сурб Амбарцум был освящен католикосом Гарегином II[11].

До конца 1930-х гг. действовала церковь Сурб Аствацацин с. Большие Салы. На короткое время служба прервалась из-за кончины священника Тер-Григора Нор-Аревяна, но возобновилась после приглашения священника Тер-Саркиса из Несветая. Краевед Андраник Георгиевич Малхасян вспоминал, что в 1936 г., когда с колокольни сбросили колокола, священник Тер-Григор не смог вынести этого варварства и вскоре умер на кладбище в момент отпевания покойного[12]. В 1938 г. церковь была закрыта и

превращена в амбар.

Во время войны верующие посещали официально закрытую церковь, но в 1945 г. по просьбе населения храм вновь стал действующим. В 1946 г. приход, возглавляемый протоиреем Оганесом Амазасповичем Тер-Минасяном, объединял 1800 человек. До середины 50-х гг. службу в церкви проводил направленный из Ростова Мартирос Христофорович Арыхов, рукоположенный в священники под именем Тер-Хорен[13]. В 1954 г. после его отъезда из села церковь закрыли. В декабре 1960 г. жители написали жалобу на имя уполномоченного по делам религиозных культов в Москве А.А. Пузина. В ней они указывали на отдаленность их села от местностей, в которых есть действующие армянские церкви, и отмечали, что в селе 400 верующих семей и люди не в состоянии добираться до села Чалтырь и г. Ростова-на-Дону для отправления религиозных треб. На это письмо пришел ответ: «Совет считает нецелесообразным производить в настоящее время изъятие церковного здания из пользования верующих в селе Большие Салы административным путем, без предварительно и соответственно проведенной работы с верующими». Вместо старой распавшейся церковной двадцатки на собрании верующих, состоявшемся без разрешения исполкома, были выбраны новые ее члены. Как писал уполномоченный по делам религиозных культов Ростовской области Н.М. Ендаков, впоследствии все лица, которые подписали заявление о вступлении в двадцатку, после соответствующей работы, проведенной с ними исполкомом и другими организациями, отказались от вступления в двадцатку.

Полковник Н.М. Ендаков, до 1955 г. занимавший высокие должности в органах государственной безопасности, знал, как необходимо эффективно проводить «соответствующую работу». Решение о снятии с регистрации религиозного общества с. Большие Салы и использовании здания церкви под мастерские школы № 8 было принято 3 августа 1962 г. на заседании Ростовского облисполкома[14]. Сохранившееся здание церкви Сурб Аствацацин «дождалось» религиозного возрождения, наступившего в конце XX

века. 7 сентября 2008 г. восстановленную церковь вместе с ростовским храмом Сурб Хач освятил Католикос всех армян Гарегин II.

Ново-Нахичеванский епархиальный совет в годы лихолетья также пытался организовать проведение религиозных обрядов в селах Ростовской области и соседних районов Краснодарского края, где компактно проживали армяне, но не было армянских церквей и священников. Например, села и хутора Гайкадзор, Ван, Эрзинджан, Эрзерум, Эрзеджан, Новый Мир (Краснодарский край), Шаумян, Арарат, Микоян, Ленинакан, Красный Крым, Ленинаван, х. Веселый (Ростовская область) были созданы в 20-30-е гг., и власти не могли позволить в «чисто» советских населенных пунктах строительство каких-либо культовых сооружений[15]. Поэтому туда, по просьбе жителей, иногда направлялись священники из Ростова-на-Дону и сел Мясниковского района.

В предвоенные годы эти поездки могли стать поводом для репрессий в отношении священников. Ситуация несколько изменилась в период войны и в послевоенное десятилетие. Например, 8 мая 1945 г. священник Иусиг Джангулян был командирован в села Шаумян, Микоян, Эрзерум и Ерзеджан (Лобова Балка), основанные западноармянскими беженцами. Хотя в этих и других населенных пунктах, созданных при советской власти, население не могло даже мечтать о храме, тем не менее, несмотря на недремлющее око режима, они не забывали веру предков. Тер-Иусига, как в прошлые годы других священников, в тот раз приняли очень тепло, что вызвало враждебную реакцию со стороны районных властей. Сельский актив и руководители колхозов подверглись резкой критике. В отношении некоторых из них последовали оргвыводы за «содействие священнику». Джангулян повторил поездку в ноябре того же года. Председатель сельсовета под давлением сверху категорически запретил ему совершить требы. От Тер-Иусига потребовали разрешение райсовета. Так как в предоставлении транспорта ему было отказано, священнику пришлось пройти пешком 25 км в райцентр[16]. Однако даже после

получения разрешения ему запретили проводить богослужения. То же повторилось в мае 1946 г. в селах Шаумян, Арарат и Ерзинджан, в которых проживало 3500 армян.

Также сохранилась и другая любопытная информация, относящаяся к послевоенному периоду. Епархиальный совет 7 мая 1952 г. обратился к уполномоченному Совета по делам религиозных культов Ростовской области А.Г. Байкову (назначен на эту должность в 1944 г.) с просьбой выдать священнику Иусигу Джангуляну справку для командирования его с псаломщиком Романом Акоповым в Новочеркасск «с целью исполнения духовных треб местных армян, в связи с пасхальным праздником на две недели»[17].

Разрушение храмов – это, несомненно, преступление режима против Церкви и культуры, так как большинство этих церковных сооружений были памятниками зодчества, возведенными известными архитекторами на народные средства. Однако здание церкви становится Домом Божьим благодаря духовным пастырям и людям, приходящим в храм. Вот почему исповедующие атеизм власти с особым ожесточением репрессировали церковный клир и активистов общины, после чего приход прекращал существование.

Как уже отмечалось выше, давление в отношении духовенства осуществлялись с первых месяцев советской власти и продолжались в период нэпа. Но в конце 30-х гг. репрессии достигли своего апогея. Потери, которые понесла ААЦ на Дону, не имеют аналогов ни по одной конфессии на всем Юге России. Только в 1938 г. за якобы принадлежность к партии «Дашнакцутюн» были расстреляны заместитель главы Ново-Нахичеванской епархии, протоиерей Мкртич Эммануилович Тер-Акопянц, священнослужители городских церквей: Никохайос Ованесович Кристостурьян (1887 г.р.), Хачатур Акопович Бугоян, Григор Бедросович Акопян (1878 г.р.), Карапет Егияевич Мошьян (1876 г.р.), Минас Хачатурович Хумашьян (1861 г.р.), Христофор Танкаян и др.; священники армянских сел Алексан Домбаян, Саак Шорлуян, Хачатур Мелконович Тер-Багдасарян (1862 г.р.), Бедрос Дзеронович Обаян

(1870 г.р.), Саркис Томасович Мартиросян (1862 г.р.), Богос Габриелович Тер-Абрамян (1881 г.р.), священник Ованес Оксендянц и др.

Первым по этому «расстрельному списку» 1938 года был арестован протоиерей Мкртич Эммануилович Тер-Акопянц. Документы, хранящиеся в архиве Федеральной службы безопасности по Ростовской области, свидетельствуют о том, что его обвинили в связях с партией «Дашнакцутюн», которые он якобы осуществлял через католикоса Хорена и бывшего главу епархии архиепископа Гарегина Овсепяна, возглавившего в 1938 г. епархию ААЦ в США. Указывалось, что с 1934 г. Тер-Акопянц проводил вербовку священников Нахичевани и армянских сел в члены дашнакской партии, в результате чего ему удалось все армянское духовенство Ростовской области вовлечь в эту партию. Все «признательные показания» протоиерея Мкртича Тер-Акопянца были выбиты обычным для того времени способом. По решению суда 15 июня 1938 г. заместитель главы епархии был расстрелян.

По обвинению в связях с дашнаками также были арестованы священники кафедрального собора Геворк Александрович Дарбинян и Мкртыч Мкртычевич Чорчопянц. Власти не могли не учитывать отношение армянского населения к своей Церкви, поэтому оба священника были освобождены в 1940 г. в связи с недоказанностью вины[18].

Мкртыч Чорчопьянц (1889-1970) является автором рукописи «Церкви города Нахичевани-на-Дону», обнаруженной В.Г. Вартаняном и С.С. Казаровым в Госархиве Ростовской области. До 1946 г. Чорчопьянц был секретарем епархиального духовного совета, с 1919 по 1922 г. – членом ревизионной комиссии епархиального совета и председателем церковного совета церкви Сурб Теодорос. В 1940 г. Верховный Духовный Совет Эчмиадзина назначил Мкртыча Чорчопьянца заместителем начальника Ново-Нахичеванской епархии. Параллельно с 1942 г. он являлся (с перерывом) настоятелем кафедрального собора Сурб Григор Лусаворич г. Ростова-на-Дону. Именно М.М. Чорчопьянц возглавил

сопротивление верующих против кощунственного решения властей о закрытии, а затем и сносе кафедрального собора. За религиозную деятельность отца пострадала и дочь Чорчопьянца. В течение длительного времени ей запрещалось заниматься преподавательской работой[19].

В 1938 г. были репрессированы учителя приходских школ, закрытых еще в первый год советской власти. В их числе Хунгианос Александрович Дирацуян, Рафаэл Степанович Зограбян, Хунгианос Асвадурович Запросян, Лусеген Григорьевич Нор-Аревян, Карапет Ованесович Фиштян и др. Репрессиям подверглись члены семей священников, их родственники и знакомые, бывшие служители церкви и обслуживающий персонал и многие гражданские лица армянского происхождения. Так, по воспоминаниям 90-летнего Мелкона Хаспекяна (Хаспекова), Мясниковский райотдел НКВД 4 февраля 1938 г. получил задание арестовать 40 «врагов народа». Среди арестованных оказались сам М.Л. Хаспекян, учитель А.Б. Нагапетян, Р.Г. Люледжиян, К.К. Меликсетян, С.А. Калугян (Калугов), В.С. Бабахян, Б.К. Атоян и др.[20].

В числе арестованных оказался крестьянин Татевос Кристостурьян, попавший в «черный список» по причине того, что его отец был духовного звания. В 1930 г. Чалтырский сельсовет лишил права голоса Т.О. Кристостурьяна, как «иждивенца служителя религиозного культа». Через год это решение было отменено, но тогда же он вновь был арестован и осужден на год якобы за «скупку серебряных монет» советской и царской чеканки[21]. Заметим, что в 1931 г. в СССР прекратилась чеканка серебряных монет, но они официально продолжали находиться в обращении и дальновидные крестьяне хранили их дома. После освобождения по описанному обвинению в 1938 г. его арестовали как участника подпольной дашнакской организации. На допросе крестьянин «признал», что в 1936 г. состоял в дашнакской организации, куда был завербован чалтырским священникам Тер-Багдасаряном. Якобы по его заданию Татевос должен был подбирать в организацию кадры, преимущественно из молодых людей, контрреволюционно

настроенных и решительных, способных на любое выполнение боевых поручений дашнакской организации и вести среди армянского населения контрреволюционную националистическую агитацию.

Кристострурьяна заставили подписать «признание», в соответствии с которым он якобы вовлек в антисоветскую организацию своих односельчан – Мелкона Хаспекова, Саркиса Калугова и Хачахпера Ягорова. Не довольствуясь этим, ему подготовили второй список «членов дашнакской контрреволюционной националистической организации». В нем значились фамилии: Люледжиян, Хатламаджиев, Чубаров, Поркшеян, Нагапетьян, Явлумов, Мелконов, Киляхов и Поркшеян. Все вышеперечисленные лица были также арестованы. В этом списке оказался инспектор учета райземотдела, житель Чалтыря Р.Г. Люледжиян, в прошлом служитель религиозного культа. В соответствии с протоколом допроса, он был завербован в организацию священником Тер-Багдасаряном, имел задание вести «контрреволюционную националистическую пропаганду» и признавал себя дашнаком[22].

Вместе со всеми подвергся репрессиям бухгалтер инкубаторной станции (в прошлом секретарь Крымского сельсовета Мясниковского района, а затем бухгалтер райотделения госбанка) Асвадур Нерсесович Джелаухов (1896 г. р.), родившийся в с. Крым в семье служителя культа. Вероятно, именно это обстоятельство, а не служба в годы Первой мировой войны в царской армии, стало главной причиной его ареста органами НКВД 4 февраля 1938 г. Официально его обвинили в принадлежности к «контрреволюционной дашнакской повстанческо-националистической организации». В обвинительном заключении сказано, что он являлся участником названной организации, проводил среди населения контрреволюционную националистическую пропаганду, клеветал на руководителей партии и советского правительства. Наверняка, после применения физического и морального воздействия он вынужден был признать

себя виновным. Решением тройки УНКВД от 10 ноября 1938 г. получил 10 лет, которые отсидел в ГУЛАГе – Усольском исправительно-трудовом лагере (г. Соликамск). Асвадур Джелаухов оказался одним из немногих, кто остался в живых. По прошествии десяти лет в 1948 г. он вышел на свободу[23].

В 30-е годы даже косвенная связь с церковью или наличие среди родственников служителей церкви, пусть даже бывших и даже умерших, становились поводом для расправы с неугодными для режима лицами. Так, например, произошло со всеми сослуживцами, друзьями и родственниками секретаря ВКП(б) Мясниковского района Егиазарова, обвиненного в 1937 г. в принадлежности к троцкистам. На заседании бюро райкома 8 июля 1937 г. рассматривалось дело Михаила Григорьевича Казарьяна. В подготовленном для бюро райкома органами НКВД документе сообщалось, что настоящее имя М.Г. Казарьяна Мамикон Григорьевич Тер-Вартанян, что он является уроженцем села Барцруни Азизбековского района Армянской ССР из семьи духовенства. В материалах, представленных для бюро, сообщалось: «До советской власти в Арм ССР дед Казарьяна Тер-Вартан был сельским священником, а отец Казарьяна Григор являлся дьяконом местной церкви, одновременно занимался торговлей мануфактуры, имел крупное хозяйство. Мамикон Казарьян в 1918-1919 гг. служил добровольцем в дашнакской армии рядовым солдатам. В 1920 г. Казарьян совместно с семьей выехал в Россию, проживал в Грозном, Кропоткине, Таганроге. Отец его Григор был попечителем армянских церквей. В настоящее время три двоюродных брата Казарьяна, проживают в Армении: Тер-Вартанян Аршак, бывший дьякон, ведет активную религиозную пропаганду среди населения, лишен избирательных прав, остальные братья являются коммунистами и работают в колхозе. Работая в Мясниковском РК ВКП(б), был в близких отношениях с бывшим секретарем Егиазаровым,.. проводил подхалимскую политику... Последний пленум РК 7 июля... высказал недоверие Казарьяну и мнение о немедленном его исключения из рядов ВКП(б)»[24].

После такой «уничижительной» характеристики бюро райкома приняло следующее решение: «За скрытие своего социального происхождения и службы в дашнакской армии, за близкую связь с контрреволюционером Егиазаровым, за подхалимство к Егиазарову, за грубость, администрирование, проявленное к колхозникам, и зажим самокритики, ... из рядов ВКП(б) исключить... Поручить НКВД проверить деятельность его в связи с Егиазаровым»[25].

По тем же причинам в 1937 г. по ложному обвинению был репрессирован заведующий райОНО, член ВКП(б) Арташес Никитович Тер-Вартанян (1903 г.р.), выпускник Ленинградского Восточного института, один из самых образованнейших людей района и Ростовской области. На заседании бюро Мясниковского райкома в сентябре 1937 г., ставя основной акцент на его происхождение («Из семьи священнослужителя»), отмечалось: «Установлено, что Тер-Вартанян в вопросе построения коммунизма в одной стране проводил враждебную троцкистскую контрреволюционную теорию о невозможности построения коммунизма в одной стране... Не вел никакой борьбы с классово-чуждыми, враждебными и контрреволюционными, троцкистскими типами (Ткедьян, Тополян и др.), окопавшимися в школах района, не ликвидировал последствий вредительства в школах, до сих пор штаты учителей не заполнены, топливом школы полностью не обеспечены, партами тоже»[26].

Бюро райкома в своей резолюции вынесло следующий вердикт А.Н. Вартаняну: «За контрреволюционные троцкистские выступления, развал дела народного образования в районе, как по линии школ, так и особенно работы ликбеза, школ малограмотных и школ взрослых, за отсутствие решительной борьбы с врагами, пролезшими в школы и срыв строительства Районного Дома Соцкультуры, Тер-Вартаняна Арташеса Никитовича из рядов ВКП(б) исключить», а «материал о нем передать следственным органа о привлечении его к ответственности»[27].

Сейчас стало известно, что в отношении арестованных применялось физическое и моральное воздействие, в результате

которого некоторые из них подписывали уже заранее заготовленные протоколы допросов, где фигурировали новые имена потенциальных жертв. Только в сборнике документов и материалов «Посвящается жертвам репрессий» названо 481 имя репрессированных[28].

3.3. Политика центральных и региональных властей по ликвидации религиозных организаций ААЦ Северного Кавказа

В 1930-е гг. продолжилась политическая линия партийно-государственных органов, направленная на окончательное искоренение присутствия ААЦ на территории, находившейся под духовным попечением Северо-Кавказской и Астраханской епархии. В 1928-1932 гг. ее возглавлял архиепископ Баграт Вардазарян.

Предводитель епархии родился в 1869 г. во Владикавказе. В 1893 г. рукоположен в иеромонахи, с 1913 – в епископы. С 1912 по 1915 г. руководил канцелярией Первопрестольного Эчмиадзина. До назначения на Северный Кавказ (в 1916-1928 гг.) возглавлял Шемахинскую епархию. С конца 20-х гг. архиепископ Баграт не имел возможности реально исполнять свою функцию предводителя, так как власти оказывали на него давление, создавали невыносимые условия для личной жизни и функционирования епархии. Так, например, от него краевые власти потребовали непосильный годовой налог в 800 рублей. И это был далеко не единичный пример давления на предводителя. В феврале 1930 г. архиепископ Баграт Вардазарян возвратился в Эчмиадзин, где, ссылаясь на болезнь, подал католикосу заявление об отставке. Причем с такой просьбой он обратился к католикосу и в 1931 г.[1].

Архиепископ Баграт Вардазарян так же, как и глава Ново-Нахичеванской епархии архиепископ Гарегин Овсепян, 12 ноября 1932 г. участвовал в национально-церковном соборе по выборам католикоса в качестве кандидата. Большинство голосов тогда получил архиепископ Хорен Мурадбекян. В то же время руководители двух российских епархий на втором заседании были избраны членами Верховного Духовного Совета. Однако архиепископ Баграт от членства в высшем церковном органе ААЦ отказался. На Северный Кавказ он больше не вернулся. До своего ареста он жил в Первопрестольном Эчмиадзине. В 1938 г. по ложному обвинению «за ведение антисоветской пропаганды» по приговору «тройки» НКВД республики он был арестован и

расстрелян[2].

После того как архиепископ Баграт Вардазарян вынужден был покинуть Северо-Кавказскую епархию, она фактически прекратила свое существование. Теперь уже ничего не мешало властям ускорить закрытие оставшихся армянских церквей и развернуть масштабные репрессии в отношении духовенства и активных членов религиозных приходов.

По отдельным приходам Северного Кавказа антирелигиозная политика 1930-х и последующих годов характеризовалась следующим образом.

В конце 1920-х гг. власти приступили к «операции» по ликвидации церковной общины г. Ставрополя, после чего планировалось разрушить церковь Сурб Григор Лусаворич. В результате грубого давления на членов общины в административный отдел начали поступать заявления от прихожан с отказом от ранее принятого ими решения взять «под свою ответственность... для религиозных надобностей армянскую церковь». Так, 30 декабря 1929 г. поступило заявление от персидскоподданных Микиртыча Дальватьянца, Кеворка Хасратяна и Алексея Хосроева. «Настоящим мы заявляем, – писали они, – что на собрании, которое решало этот вопрос, мы до конца не были, а поэтому выбор нас считаем недействительным и просим окрадмотдел исключить их из списка, никакой ответственности мы по указанному вопросу на себя не берем. 1930 год 1 января, г. Ставрополь н/К. Подписи на армянском языке»[3]. Присутствующее в тексте притяжательное местоимение третьего лица «их» свидетельствует о том, что заявление было составлено заранее заинтересованными лицами.

Оставшаяся без опеки церковь была закрыта, а все ее имущество реквизировано. Здание церкви использовалось под склады, а в 1968 г., по решению партийных органов и городского исполкома, снесено. На месте церкви построили здание Октябрьского райкома КПСС и исполкома. Так печально завершилось существование красивейшего архитектурного памятника, главного армянского культового сооружения

Ставропольского края.

В Пятигорске тотальное наступление на верующих совпало с кончиной горячо любимого прихожанами духовного предводителя Абраама Шхинянца. В соответствии с завещанием священника родственники похоронили его на территории церкви, у алтарной стены. Отсутствие священника окончательно развязало руки властям, решившим вообще уничтожить церковное сооружение и тем самым окончательно искоренить память о храме[4].

В период оккупации гитлеровцы, пытаясь привлечь местное население к сотрудничеству, атеизму большевиков противопоставили «свободу вероисповедания». Летом 1942 г. в «Объявлении Главнокомандующего германскими войсками для населения оккупированных областей» содержался призыв возобновить деятельность культовых учреждений. Во многих городах Северного Кавказа открылись ранее закрытые храмы. В Пятигорске после завершения ремонтных работ открылись все православные храмы, молельные дома, католический костел. Оккупационная власть разрешила и армянам восстановить церковь Сурб Таргманчац. Немалая часть населения уверовала в то, что немцы пришли надолго, и значит, надо выполнять все их распоряжения. Созданный церковный совет в сентябре 1942 г. начал сбор пожертвований на восстановление храма. Тогда же приступили к ремонтным работам, которые завершились в короткий срок. Открытие церкви не означало, что население желало сотрудничать с нацистами. После освобождения Пятигорска 11 января 1943 г., в связи с общей линией по ослаблению давления на религиозные объединения, некоторое время церковь продолжала действовать.

Однако после окончания войны обещания властей возобновить церковную службу там, где будет проявлено желание, так и остались на бумаге, а в конце 50-х гг. церковь была варварски разрушена. В то время, когда советские спутники штурмовали космос, в Пятигорске уничтожали храм Божий.

Узнав о намерении городских властей разрушить церковь, армянская общественность сформировала группу, которую

делегировали в Москву с целью отстоять церковь, хотя бы в качестве памятника архитектуры. В высших правительственных инстанциях делегацию заверили, что церковь, представляющая архитектурную ценность, не будет разрушена. Это обещание было даже документально оформлено. Но, как отмечает П.Н. Никитин в своем очерке, пока это распоряжение шло до Пятигорска, городские власти, зная о нем, за несколько дней осуществили снос. Прибывшая делегация с копией решения увидела, что от храма остались лишь руины[5].

В начале 1960-х годов на месте армянской церкви было выстроено здание для «Промстройпроекта», сотрудники которого должны были «проектировать» строительство коммунизма. Когда начали возводить здание проектного института, архитекторы, от имени городской администрации, потребовали родственников похороненного во дворе церкви священника Абраама Шхинянца перенести его прах на кладбище. Ссылаясь на предсмертную волю покойного, те отказались выполнить данное требование. В своей предсмертной просьбе священник сказал: «В этом храме прошла вся моя жизнь. Я хочу лежать возле него. Если даже его не будет, я буду лежать на том месте, где он стоял»[6]. И вот теперь могила священника находится среди двора, под асфальтным покрытием, в нескольких метрах от южной стены здания теперь уже Пятигорского филиала негосударственного образовательного учреждения «Ставропольский институт имени В.Д. Чурсина». Студенты и их преподаватели, не ведая о том, каждый день совершают антигуманное действо, попирая прах священника-просветителя. С кончиной священника и уничтожением церкви прекратил существование и приход армянской церкви.

Но если в Пятигорске и Ставрополе церковные здания были уничтожены в годы хрущевской оттепели, то армянскую церковь Георгиевска постигла печальная участь во время войны. В 1937 г. ее закрыли, но, по свидетельству городского старожила Александра Николаевича Бухтоярова, накануне войны она вновь стала действующей. «Перед войной, – рассказывал он, – бабушка меня

туда водила на причастие... Церковь была разделена перегородкой на две половины. На левой половине церкви служил армянский священник, на правой – православный. Служили одновременно, и я помню, как из-за перегородки доносились до меня звуки армянского богослужения. Потом церковь закрыли, и там был завод по выпуску каких-то оптических приборов. Во время оккупации здание армянской церкви сгорело»[7].

В Буденновске (Прикумске) в 30-е гг. теперь уже без прежних ухищрений продолжили уничтожать армянские храмы и стирать старинный облик г. Святого Креста. При реконструкции города недостаток строительных материалов преодолевался за счет кирпичей и камня разрушенной в 1935 г. церкви Сурб Геворг (Св. Георгия Победоносца). «Церковь была действующей до самого последнего дня, – вспоминает В.М. Мадатов. – Священников уже не было, им пришлось бежать, но люди приходили и молились. Церковь была открыта и днем и ночью. Разобрали ее всю, по камешку, вплоть до цоколя. Это случилось летом. Все сделали быстро – за несколько дней. А куда кирпичи и камни дели? Достаточно посмотреть хотя бы на ул. Октябрьскую, на ее бордюры из ракушечника, пиленного вручную. Одни бордюры побольше, другие поменьше, да все одно, – или из армянской церкви, или из русской прасковейской церкви – оттуда тоже много камня и кирпичей привозили. Лучшие кирпичи отвозили на строительство городских объектов, а теми, что похуже, мостили тротуары в центре города… А потом уже церковную землю, что вдоль улиц Советской и Кирова, раздали под строительство жилых домов. Когда их строили, из земли выкапывали гробы. На большей части церковной территории еще долго, до и после войны, был пустырь, а потом “детский двор” – там занимались физкультурники, школьники, в общем, молодежь. А потом, после войны, на месте церкви построили ресторан “Кавказ”. А затем продали здание ресторана секте “Свидетелей Иеговы”»[8]. Последнее уже произошло в постсоветский период.

В период оккупации немецкая администрация пыталась заигрывать с населением. Профашистская газета «Утро Кавказа» в

декабрьском номере поместила статью «В освобожденном Прикумске», где описывались «трагические последствия» большевистского правления в городе. Там же сообщалось, что в Прикумске открыты церкви, драматический театр, банковская контора, детский сад, баня, потребительская кооперация, в местной типографии налажен выпуск газеты «Прикумский вестник»[9]. В газете публиковались материалы на «патриотические» темы, утверждалось, что единственная цель Германии – избавить русский народ от большевиков. Атеизму большевиков оккупанты противопоставили «свободу вероисповедания». Летом 1942 г. в «Объявлении Главнокомандующего германскими войсками для населения оккупированных областей» содержался призыв возобновить деятельность культовых учреждений. Во многих городах Северного Кавказа открылись ранее закрытые храмы, а в некоторых местах даже началось строительство новых. Правда, оставшаяся одна, самая небольшая армянская церковь Сурб Хач во время оккупации использовалась немцами в качестве склада для хранения пшеницы, хотя, по воспоминаниям местных жителей, церковную утварь и иконы они не тронули[10].

Чудесным исключением стало сохранение в Центральном Предкавказье двух армянских церквей: во Владикавказе и Эдиссии.

Благодаря проявленному мужеству жителей села Эдиссии удалось сохранить величественную церковь Сурб Аствацацин. В первые годы советской власти духовным пастырем самого крупного армянского села на Северном Кавказе являлся Карапет Власян. По стопам отца пошел и его сын Влас, получивший после рукоположения в священники имя Хачатур или, как его называли сельчане, Тер-Хачик. Он родился в 1877 г. (по другим данным – в 1880 г.). Начальное образование получил в Эдиссии. Дальнейшую учебу продолжал в Новой Нахичевани. В течение 27 лет (до 1928 г.) Влас работал учителем в родном селении. После кончины своего отца Тер-Карапета он посвятил свою жизнь служению Богу. По просьбе эдиссийцев в конце 20-х гг. Влас Власян отправился в Эчмиадзин, где обучался на двухгодичных учебных курсах, после

окончания которых был рукоположен в священники. Его деятельность продолжилась в сельской церкви Сурб Аствацацин.

Священник, не прослужив и нескольких месяцев, был обвинен в антикоммунистической пропаганде и в начале 30-х гг. осужден к семи годам тюремного заключения. Его оправдали раньше назначенного срока, надеясь, что он откажется от сана. Однако Тер-Хачик не изменил своему предназначению. Несмотря на постоянные обвинения и преследования, священник вплоть до 1937 г. продолжал служить в церкви. Его повторно обвинили в антигосударственной пропаганде и выслали в Сибирь. Вместе с ним уехала и его жена. Спустя десятилетия, в 1971 г. сын Тер-Хачика Аршавир, пытаясь узнать дальнейшую судьбу отца, написал запрос в Москву. В ответном письме сообщалось, что священник был осужден на десять лет, но на восьмой год заключения, 23 декабря 1945 г., скончался. Сообщалось и о посмертной реабилитации Тер-Хачика[11].

После осуждения священника имущество церкви было конфисковано, а здание превращено в зернохранилище. Многие церковные книги, иконы, архивы были безжалостно уничтожены. Правда, кое-что из церковного имущества прихожанам удалось спасти. Однако прекращение службы в храме власти рассматривали как первый шаг на пути к разрушению храма. Величественная церковь, по мнению строителей коммунизма, сдерживала поступательное движение к высшей человеческой формации. В 1962 г. районные власти приняли решение снести церковь Сурб Аствацацин. В Эдиссию прибыли два трактора с длинными канатами, чтобы с их помощью снять с храма купола. Но не у всех суровое время стерло память и достоинство. У церкви собрался народ: верующие и те, для кого храм символизировал национальное самосознание. Как и на фронтах минувшей войны, где погибло 349 эдиссийцев, сельчане своей грудью преградили дорогу трактористам, которым было заявлено: «Проехать к церкви сможете только через наши трупы!»[12]

Стойкое национальное самосознание армян г. Владикавказа, преданность их своей церкви, почтительное отношение к армянской

церкви осетин и представителей других национальностей не позволило властям осуществить задуманное. Прекрасный храм Сурб Григор Лусаворич сохранился, и дорога к храму «не заросла травой» во времена преследования за веру[13].

В городе Астрахани – бывшем центре Северо-Кавказской епархии ААЦ, имевшем в досоветский период многочисленный церковный клир и несколько церквей, в 30-е гг. оставался единственный армянский священник – шестидесятилетний Саркис Асланянц. В июле 1939 г. он был арестован по обвинению в ведении антисоветской пропаганды и до суда отправлен в местную тюрьму. Следствие длилось девять месяцев. Судебная коллегия по уголовным делам Астрахани не смогла доказать его вину, и в зале суда он был освобожден. И все же власти добились главного – боясь дальнейших преследований, Асланянц оставил духовный сан. Несмотря на это, в ноябре 1941 г. он был выслан в Джурукский район Актюбинской области Казахстана[14].

Полному разгрому подверглись церковные приходы на Кубани, где к концу 30-х гг. действовали только две армянские церкви: в Армавире и Краснодаре. Последняя была закрыта в 1940 г.

Судьбу многих репрессированных священников Краснодарского края разделили тысячи западных армян, нашедших убежище на Кубани в годы Первой мировой войны. В 1942 г. они без объяснения причин были депортированы в Казахстан[15].

В конце Великой Отечественной войны у армян Краснодарского края появилась надежда на возобновление религиозной жизни. Накануне встречи будущего католикоса архиепископа Геворга Чорекчянца с советским вождем в апреле 1945 г. краевые власти получили из Центра указание, разрешавшее возобновление службы в некоторых из сохранившихся культовых сооружений ААЦ. Краснодарский крайисполком 3 апреля 1945 г. дал разрешение восстановленной религиозной общине осуществить ремонт армянской церкви в Краснодаре[16]. Благодаря приехавшему из Закавказья новому священнику был произведен капитальный ремонт церкви Сурб Аствацацин и возобновлена воскресная служба.

Восстановленный церковный приход с каждым днем численно увеличивался. Однако он находился под жестким надзором властей и репрессивных органов. Среди прихожан было немало выходцев из Западной Армении. Значительная часть из них во время войны была депортирована в Казахстан. Но после войны, как сообщалось в письме жителя Краснодара, направленному католикосу Геворгу Чорекчянцу 27 апреля 1949 г., «некоторые из выселенных армян вернулись обратно в Краснодар с письменным разрешением властей Казахстана. В данное время этих армян опять выселяют обратно. МВД дает два дня на выезд. Люди разоряются, страдают. Есть случаи смерти от разрыва сердца и прочее. Полагаю, что Вам надлежит немедленно поставить об этом в известность Верховный Совет и правительство Армении для принятия срочных мер и прекратить выселение армян – не дать им разориться и страдать. В крайнем случае добиться переселения их в Армению, как переселились армяне из Америки, Сирии и других мест, организованно, но не выселять их в далекий Казахстан. Примите срочные меры»[17].

Увы, все обращения Эчмиадзина к Центру с просьбой переселить в Армянскую ССР депортированных армян Крыма (в 1944 г.), Кубани, а также вернуть в республику многие тысячи жителей Армянской ССР, депортированных в восточные районы в конце 1930-х гг. по надуманному обвинению, были проигнорированы. Да и смягчение антирелигиозной политики носило временный характер.

В 1950-е гг. национально-культурная и религиозная жизнь армянского населения Кубани и в других регионах Северного Кавказа в административном порядке была свернута. В 1953 г. краевые власти одновременно с упразднением Армянского национального района объявили о закрытии краснодарской церкви Сурб Аствацацин, расположенной по улице Красной, 16[18]. Для этого решения был найден «вовремя» подвернувшийся повод. В 1952 г. во время религиозного праздника в храме присутствовало много людей. Воспользовавшись этим, сюда проникли злоумышленники,

спрятавшиеся на внутреннем балконе, где обычно располагались певчие. Ночью священник, живший в самой церкви, как обычно, запер двери изнутри, но на следующий день у алтаря обнаружили его труп[19]. Краснодарская церковь Сурб Аствацацин на время проведения расследования была временно закрыта, а потом и вовсе снесена. Преступников так и не обнаружили. Официальная версия склонялась к тому, что убийство произошло во время ограбления. Но среди армянского населения города утвердилось мнение, что это событие было осуществлено по распоряжению спецслужб.

С 1953 г. в Краснодарском крае функционировала лишь одна церковь в Армавире, которую сохранили при условии, что она будет действовать и для прихожан РПЦ. Такое «соглашение» было заключено в 1943 г. между двумя религиозными объединениями[20]. Однако в середине 60-х гг. вновь встал вопрос о дальнейшем существовании этой церкви. Назначенный в 1962 г. настоятелем храма Сурб Аствацацин священник Гевонд Агаджанян призвал общественность города встать на защиту единственной уцелевшей на Кубани армянской церкви. Его обращения в центральные, краевые и местные органы власти возымели успех, и храм сохранился как памятник архитектуры[21].

Как и в других регионах, ликвидация приходов ААЦ на Юге России мотивировалась фальсифицированными результатами переписей населения, в соответствии с которыми якобы ничтожная часть армянского населения показала принадлежность к национальной церкви. Так, например, при переписи населения в 1937 г. из 1 млн. 969 тыс. армян, проживающих в СССР, только 142 тыс. были причислены к верующим ААЦ[22]. Реальная картина была иной. По переписи указанного года, по меньшей мере, около семидесяти процентов армянского населения страны указали на свою принадлежность к христианской вере, принятой их предками в апостольские времена[23].

Подводя итоги исследования государственной антирелигиозной политики в отношении ААЦ на Юге России в тридцатые годы и в последующие советские десятилетия, следует

констатировать следующий факт: властями были закрыты и варварски уничтожены десятки храмов на Дону и Северном Кавказе. Немногие сохранившиеся здания храмов, разграбленные и превращенные в хозяйственные помещения, ожидала такая же участь. Но самое главное – был репрессирован цвет армянского духовенства, истинные подвижники благочестия. Большинство религиозных общин в административном порядке были ликвидированы, а приходы прекратили свое существование.

Хотя в период Великой Отечественной войны отношение власти к религиозным культам стало более терпимым, в обширном регионе с многочисленным армянским населением возобновили свою деятельность только несколько церковных приходов при трех действовавших храмах (в Ростове-на-Дону, Армавире, Владикавказе).

Духовное возрождение ААЦ так же, как и всех традиционных конфессий России, начинается на рубеже 80-90-х годов XX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одновременно с возникновением армянских поселений и общин, предпринимались меры по возведению церквей или молельных домов. Они становились не только религиозными центрами, где священнослужители несли службу, исполняли необходимые обряды, но и очагами культуры и просвещения. При них создавались национальные учебные заведения – церковноприходские училища, где дети изучали Закон Божий, армянский и русский языки, арифметику и др.

В царский период епархиям ААЦ и церковным приходам приходилось преодолевать немало трудностей, связанных со строительством храмов, функционированием приходов и национальных училищ. Последние неоднократно закрывали, но усилиями прихожан, служителей Церкви, передовых общественных деятелей они вновь открывались, чтобы нести знания, сохранять многовековые, культурные традиции армянского народа. Однако все эти проблемы не могли сравниться с антирелигиозной политикой советской власти.

Если рассматривать период отечественной истории, датируемый первыми советскими десятилетиями, то в нем можно найти немало примеров одновременного переплетения позитивных и негативных явлений. Интернационализация общественной жизни, национальное строительство, позволявшее самоопределиться народам, культурный переворот, бурное развитие промышленности – все это и другое, несомненно, позитивное, соседствовало с бездушием, игнорированием интересов конкретного человека, который рассматривался как «винтик», «биологический материал» для бесчеловечного экспериментирования. Этот негатив в полной мере воплотился в конфессиональной политике, которую более правильно называть как антирелигиозная.

Сколько бы ни пыталась советская власть «преодолеть» религию жесткими административными и репрессивными действиями, ей не удалось устранить из жизни человека такую

неотъемлемую его черту, как Вера. Да и сама власть стремилась не столько ликвидировать веру вообще, а заменить традиционную религию новой, советской, с ее догмами и культами вождей. Этим и объясняется то остервенение, с которым правящая большевистская партия преследовала традиционные религии под знаменем атеизма, ставшего государственной политикой. Но если до 1928 г. конфессиональная политика государства носила черты так называемого «религиозного нэпа», предполагавшего отказ от использования «военно-коммунистических» методов в преодолении религии, то с конца 1920-х гг. ужесточается политика в отношении всех религиозных организаций.

Впрочем, если проследить за реальными результатами проводимой конфессиональной политики центральных и региональных властей в отношении ААЦ на Юге России в годы нэпа, то их последствия мало вписываются в крылатое выражение Ем. Ярославского («религиозный нэп»). В 20-е годы многие приходы в административном порядке были ликвидированы, а большая часть культовых сооружений изъята государственными органами для своих хозяйственных нужд. Однако полный разгром епархий, разрушение храмов, массовые репрессии в отношении духовенства и прихожан разворачиваются с конца 1920-х годов. Инициатива на религиозном фронте полностью переходит в руки карательных органов. Конфессиональные структуры ААЦ ими рассматривались как легально действующая «дашнакская» агентура.

Дисперсное проживание народа неизбежно ведет к его ассимиляции. Это в полной мере относилось и к армянскому народу, большая часть которого проживала «в рассеянии» (по-армянски – в Спюрке). Армянская Церковь, за восемнадцать веков своей истории выработала сильные противовесы ассимиляции. Об этой роли Церкви хорошо был осведомлен Сталин, сделавший все, чтобы лишить армянский народ его духовных предводителей. В 1930-е гг. представители высшего армянского духовенства оказались репрессированными, а Верховный Патриарх, Католикос всех армян Хорен I был убит по личному приказанию Л. Берии. Следствием

репрессий явилась практически полная ликвидация структуры ААЦ на территории РСФСР. Уничтожены церкви в Ростове-на-Дону, Таганроге, Армавире, Астрахани, Краснодаре, Новороссийске, Майкопе, Ставрополе, Святом Кресте, Пятигорске, Георгиевске, Кисловодске, Моздоке, Грозном, Кизляре, Карабаглах, Буйнакске, Махачкале и других населенных пунктах Юга России. Та же участь постигла армянские церкви в Москве и Санкт-Петербурге (Ленинграде).

Несмотря на все усилия, советский политический режим не сумел поставить под свой полный контроль традиционную религиозную жизнь в обществе. Этим и объясняется своеобразный компромисс, заключенный между властью и Церковью в критический момент для страны. В годы Великой Отечественной войны, когда возникла необходимость мобилизовать население под патриотическим знаменем, появились признаки позитивных изменений в положении РПЦ, в меньшей степени – в отношении ААЦ.

Хотя в период войны отношение советской власти к религиозным культам стало более терпимым, в обширном регионе с многочисленным армянским населением возобновили свою деятельность только несколько религиозных общин. Наступившая «хрущевская оттепель» проявилась только в формальном восстановлении в 1956 г. Российской и Ново-Нахичеванской епархии, возглавляемой Гарегином Тер-Акопяном (1956-1963). Включенный в состав Ростова-на-Дону Новый Нахичевань потерял свой прежний статус епархиального центра. Его перенесли в Москву, где 5 мая 1956 г. вновь открылась построенная в XVIII в. кладбищенская церковь Сурб Арутюн (Св. Воскресения). В 1966 г. указом католикоса Вазгена I была образована Российская и Ново-Нахичеванская епархия ААЦ, объединившая Ново-Нахичеванскую, Астраханскую и Северо-Кавказскую епархии с Московским приходом. В период «развернутого строительства коммунизма» многие сохранившиеся церкви были окончательно разрушены. Вплоть до конца 80-х гг. XX в. действовали только церкви в Ростове-на-Дону, Армавире и Владикавказе.

Увы, нужны были неудачи «перестройки», невинные жертвы конфликтов, развал грандиозной державы, масса беженцев, чтобы только после этого пришло осознание необходимости возрождения подлинной духовности. Возродить ее для того, чтобы придать новый дух осиротевшему без Веры поколению.

Духовное возрождение ААЦ так же, как и всех традиционных конфессий России, начинается лишь на рубеже 80 – 90-х гг. XX в.

Демократические процессы в стране создали условия для пробуждения национального самосознания армянской диаспоры. Это, прежде всего, проявилось в процессе духовного возрождения, восстановления попранного религиозного сознания. Наиболее интенсивно церковное возрождение происходит на Юге России, где проживает более половины российских армян (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. их в РФ проживает 1 182 388, а по неофициальным – чуть ли не в два раза больше). Кроме армянского населения, веками и десятилетиями проживавшего на Северном Кавказе, в последние десятилетия здесь обосновались тысячи беженцев и вынужденных переселенцев из районов вооруженных конфликтов и разрушенных землетрясением населенных пунктов Армении. Именно эта часть населения больше всего ощутила потребность в слове Божьем.

Духовное возрождение проявилось в восстановлении в полном объеме структур ААЦ в России, и в частности на Дону и Северном Кавказе. В августе 1991 г. в Министерстве юстиции РФ была зарегистрирована Ново-Нахичеванская и Российская епархия ААЦ, возглавляемая с 1976 г. архиепископом Тираном Кюрегяном (его предшественники – Гарегин Тер-Акопян и Паргев Геворгян). Под юрисдикцией епархии находились армянские церкви России, Украины, Белоруссии, Молдавии, государств Прибалтики и Центральной Азии.

По представлению главы епархии 25 июля Верховный Духовный Совет ААЦ в Эчмиадзине во главе с католикосом Вазгеном I (возглавлял ААЦ с 1955 по 1994 г.) образовал в структуре Ново-Нахичеванской и Российской епархии ААЦ (в пределах

территории РФ) три викариата: Западный (церковные общины Москвы и Санкт-Петербурга), Ростовский (общины Ростовской области и Поволжья) и Северо-Кавказский. 25 июля 1991 г. католикос Вазген I назначил викарием Северного Кавказа архимандрита Езника Петросяна, много сделавшего для налаживания церковной жизни.

Возрождение церковной жизни в регионе с многочисленным армянским населением стало основанием для образования епархии Юга России ААЦ, что получило закрепление 13 января 1997 г. специальным указом католикоса Гарегина I (1995-1999). Новую епархию с центром в Краснодаре Езник Петросян принял уже в сане епископа. В новое тысячелетие епархия вступила под предводительством архимандрита Мовсеса Мовсесяна, рукоположенного католикосом в епископы 30 сентября 2001 г.

Не менее интенсивно происходит возрождение религиозной жизни в донских церковных приходах ААЦ, находящихся под духовным попечением Российской и Ново-Нахичеванской епархии ААЦ. С 5 октября 2000 г. ее возглавляет патриарший Экзарх в России архиепископ Езрас Нерсисян.

На рубеже XX – XXI вв. руководящими органами ААЦ на Юге России и религиозными общинами была проделана значительная работа по реставрации сохранившихся старых и возведению новых церквей, молельных домов и памятных хачкаров. Вокруг церквей выросли культурно-религиозные комплексы, где проводятся народные гулянья, отмечаются памятные даты, в том числе День памяти жертв Геноцида армянского народа. При некоторых действующих церквах налажена деятельность воскресных школ. Самыми заметными событиями в жизни епархии стали мероприятия, посвященные 1700-летию принятия Арменией христианства как государственной религии (2001), и архипастырские визиты католикосов Гарегина I (1997) и Гарегина II (2003 и последующие годы).

Две российские епархии ААЦ на своем уровне способствует укреплению братских отношений между Русской и Армянской

церквами, наполняя их новым содержанием. Практически во всех церковных мероприятиях, проходящих на Юге России, участвуют русские и армянские священники. По проблемам урегулирования этнических конфликтов русские и армянские священнослужители всегда имели сходную позицию.

Таким образом, характеризуя произошедшие за четверть века изменения в положении ААЦ на Дону и Северном Кавказе, можно констатировать: в значительной части региона произошло церковное возрождение.

.....

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....3
I. Основные этапы в деятельности российских епархий Армянской Апостольской Церкви на Юге России в XVIII – начале XX в. и политика царского правительства в отношении ААЦ.....13
1.1. Образование российских епархий Армянской Церкви. Особенности политики царизма в отношении ААЦ.....13
1.2. Состояние северокавказских приходов Астраханской епархии ААЦ в досоветский период.....19
1.3. Донские приходы Ново-Нахичеванской и Бессарабской епархии в XVIII – начале XX в. 43
II. Политика советской власти в отношении приходов ААЦ на Юге России в 1920-е годы.....55
2.1. Особенности конфессиональной политики советской власти в период «религиозного нэпа».....55
2.2. Политика партийных и советских органов Дона в отношении религиозных организаций Ново-Нахичеванской епархии ААЦ в 1920-е годы.....63
2.3. Особенности политики советской власти в отношении приходов Северо-Кавказской епархии ААЦ в годы нэпа.....73
III. Разгром приходов Армянской Церкви на Юге России в 30-е гг. XX в. Последствия антирелигиозной политики в отношении ААЦ.....85
3.1. Особенности конфессиональной политики советского государства в период «Великого перелома».....85
3.2. Антирелигиозная политика советской власти в отношении донских приходов Ново-Нахичеванской епархии ААЦ.....103
3.3. Политика центральных и региональных властей по ликвидации религиозных организаций ААЦ Северного Кавказа.....121
Заключение.....134
Примечание и литература.....147

Научное издание

Акопян Виктор Завенович

Государственная конфессиональная политика в отношении Армянской Апостольской Церкви на Юге России в 1917-1941 гг.

Монография

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 16-01-00319а: «Донские (крымские) армяне: интеграция в российское общество и сохранение национальной идентичности»

ISBN 978-5-4220-0821-6

На передней стороне обложки:
с. Чалтырь (Мясниковский район). Церковь Сурб Амбарцум

Н
г. Армавир. Церковь Сурб Аствацацин (1846)

з
а
д
н
е
й

Подписано в печать 17. 01. 2017. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 9,3.
Тираж 500. Изд. № . Заказ №

Адрес университета: 357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9

Отпечатано в Центре информационных и образовательных технологий Пятигорского государственного университета
Адрес: 357532 Пятигорск, пр. Калинина, 9.

р
о
б
л
о
ж
к
а
1
1